

4е
и 989
48194

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО БУРЯТСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

УЛАН-УДЭ, 1978

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО БУРЯТСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Handwritten mark

УЛАН-УДЭ, 1978

Редакционная коллегия:
И. Д. Бураев (ответственный редактор), **В. И. Рассадин**,
Л. Д. Шагдаров

Исследования по бурятской филологии
[Институт общественных наук БФ СО АН СССР]

Редактор ред.-изд. отдела **С. С. Имхелова**
Технический редактор **Б. Г. Цырецова**
Корректор **С. С. Золтоева**

Подписано к печати 21.IV 1978 г. Формат 60×84 1/16.

Бумага офсетная. Объем в усл. печ. л. 6,27.

Уч.-изд. л. 5,64. Н-04484. Тираж 1000. Заказ № ОК-70. Цена 55 коп.

Бурятский филиал СО АН СССР, г. Улан-Удэ, ул. Фабричная, 6.

Иркутская областная типография № 1 управления издательств, полиграфии
и книжной торговли, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 11.

042(02)5-78

Г Л И В
П О Р А Ш Е Н О

О ВОЗРАСТАНИИ РОЛИ РУССКОГО ЯЗЫКА И РАЗВИТИИ
НАЦИОНАЛЬНО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ В БУРЯТИИ

В течение 60 лет Советское государство осуществляет ленинскую национальную политику всестороннего развития культур и языков народов СССР. В нашей стране впервые в истории проведено языковое строительство, которое щедро финансировалось государством. Для ликвидации неграмотности и малограмотности, организации школ на родном языке, подготовки учителей, разработки орфографии и терминологии, смены древних средневековых алфавитов, создания учебников и учебных пособия, издания периодической печати и литературы на родном языке, научного исследования национальных языков, изучения многочисленных местных диалектов и говоров, которые представляют собой исчезающие явления, затрачены огромные средства.

Бурятский язык до революции был устным разговорным языком бурятской народности. Октябрьская революция подняла бурятский язык до уровня письменного литературного языка, наделила его рядом новых общественных функций.

Особенно быстрое развитие бурятский литературный язык получил в 30-х годах, когда архаичная старомонгольская графика была заменена сначала латинизированным, а затем русским алфавитами, и литературный язык был ориентирован сначала на южно-селенгинский, а затем хоринский диалекты бурятского языка.

В 30-х годах бурятский литературный язык получил массовое распространение. Как отмечает известный исследователь языков народов Сибири, член-корреспондент АН СССР В. А. Аврорин, "коренной перелом в характере и темпах культурного развития у большинства народов СССР произошел в конце 20-х - начале 30-х годов в связи с созданием письменности на родных языках упомянутых выше народов и получением ею всенародного признания и распространения. Это была подлинная культурная революция, которая просудила не только интерес к знаниям, но и политическую активность и несмысленный трудовой энтузиазм широкаших масс населения, дав людям почувствовать себя настоящими людьми, полноправными и активными строителями нового

социалистического общества"¹.

В этот период, когда подавляющее большинство бурят владело только своим родным языком, бурятский язык сыграл основную роль в просвещении народа, в приобщении его к достижениям мировой культуры. В то время сфера его применения была наиболее широкой и он являлся для бурят основным средством общения. Из среды бурят выросли известные писатели, журналисты, деятели науки и искусства.

На фоне всеобщей грамотности населения возросла тяга людей к высшему образованию. Но при всем желании на языках малых народов невозможно было создавать высшие школы. Например, если бы на бурятском языке были открыты политехнический, геологический, химический, авиационный и другие институты, на это потресовались бы огромные средства, негде было бы взять даже специалистов, владеющих бурятским языком. Поэтому буряты и другие народы СССР стали интенсивно изучать русский язык, поступать в вузы страны и успешно обучаться в них на русском языке. Отечественная война потребовала более тесного объединения и повседневного общения разноязычных людей, а значит и знания массами русского языка.

Жизнь со всей очевидностью показала, что многочисленные народы нашей страны не могут успешно сотрудничать, общаться между собой без языка межнационального общения. И на эту роль, естественно, выдвинулся русский язык. Такая роль была предназначена русскому языку самой историей в силу следующих причин:

- 1) русский язык является родным языком более половины населения СССР. По данным переписи 1970 г., из общей численности населения в 242 млн. человек русские составляют 129 млн. человек²;
- 2) украинцы и белорусы, составляющие около 50 млн. человек, более или менее хорошо знают русский язык, являющийся близкородственным украинскому и белорусскому;

---

¹ В. А. Аврорин. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., "Наука", 1975, с. 130.

² Здесь и далее данные из переписи населения 1970 г. приводятся по кн.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. IУ. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей и национальных округов. М., "Статистика", 1973.

3) значительная часть остального нерусского населения владеет русским языком. Русским языком владеет около 55 млн. человек нерусской национальности. Всего, включая русских, на этом языке говорят 183,7 млн. человек, или более 75% всего населения СССР;

4) русский язык является языком одной из величайших мировых культур. Русская литература всегда была литературой совести, литературой страстного поиска правды. На русском языке написаны труды В. И. Ленина;

5) русский народ сыграл авангардную роль в освобождении народов СССР от царизма, эксплуатации, в построении социализма и защите его завоеваний;

6) русский язык является важнейшим средством повседневной и эффективной связи между республиками СССР. Это общий рабочий язык в многонациональных рабочих коллективах, хозяйственно-политических и научных конференций, совещаний и т.д.;

7) русский язык играет важную роль в дальнейшей консолидации советского народа – новой исторической общности людей;

8) именно на русском языке происходит обмен культурными ценностями между нашими народами. Русский язык имеет широкую распространенность, давние и разносторонние связи с другими языками. Для нас, советских людей, русский язык – верный ключ к сокровищницам мировых культур. Благодаря ему нам доступны художественные, научные и другие произведения почти всех народов мира.

В выдвигании русского языка в качестве языка межнационального общения народов СССР большое значение имеет и тот факт, что русский язык является одним из богатейших языков мира, что признано классиками марксизма-ленинизма и выдающимися деятелями человеческого прогресса.

Буряты, живя в соседстве с русскими более трехсот лет, с давних пор стремились овладеть русским языком. Но функция русского языка как языка межнационального общения до революции все же была малоразвитой. Это объясняется тем, что в то время народы были разобщены, у них не было, как сейчас, общей экономической, политической и культурной жизни. В частности, буряты и русские, несмотря на контакты, вели в значительной мере замкнутый образ жизни: русские в своих селах, а буряты в своих улусах. В городах и русских деревнях бурят почти не было.

В советское время положение коренным образом изменилось. По данным переписи населения 1970 г., в городах проживает около 80 тыс. бурят. Многие буряты, в основном представители интеллигенции, служащие, рабочие, проживают в районных центрах, поселках городского подчинения, в центральных усадьбах крупных колхозов и совхозов, многие из которых имеют смешанное население. Намного увеличился приток людей иной национальности из западных районов страны. В настоящее время на территории трех бурятских автономий Восточной Сибири, то есть в Бурятской АССР, Агинском и Усть-Ордынском национальном округах, всего проживает немногим более одного миллиона человек, из них буряты составляют 260 тыс. человек, или примерно одну четвертую часть всего населения этих административных подразделений. Всего же бурят, по переписи 1970 г., насчитывается около 315 тыс. человек. Из них в Бурятской АССР проживает более 178 тыс. человек, или 56,8% всех бурят, в Иркутской области — более 73 тыс., или 23,3% (в том числе в Усть-Ордынском национальном округе более 48 тыс. человек), в Читинской области проживает всего более 51 тыс., или 16,2% бурят, из них в Агинском национальном округе — более 33 тыс. человек.

Ни в одном административном подразделении, кроме Агинского округа, буряты не составляют большинства населения. Это обстоятельство, безусловно, создает объективные предпосылки для быстрого распространения в этнографической Бурятии бурятско-русского двуязычия. Широкое распространение среднего и высшего образования способствует овладению бурятами русского языка. Поэтому в последние десятилетия среди бурят весьма интенсивно развивается массовое двуязычие. По данным переписи 1970 г., 66,7% всех бурят, или около 210 тыс. человек, заявили о том, что они свободно владеют в качестве второго языка русским языком, а 23 тыс. бурят признали своим родным языком русский. Категория людей, считающих родным языком русский язык, увеличивается главным образом за счет детей горожан и крупных населенных пунктов, которые с раннего детства вне семьи говорят только на русском языке. В городах становится обычной такая картина, когда в семье взрослые разговаривают на родном языке, а дети — на русском.

В результате развития массового двуязычия происходит разумное распределение общественных функций, присущих литературным языкам,

между бурятским и русским языками. Сами носители бурятского языка сочли более целесообразным использование русского языка в некоторых сферах общественной жизни. В частности, буряты предпочитают, во-первых, вести на русском языке научную работу. При этом надо иметь в виду, что в нашей стране во всех национальных республиках наблюдается тенденция издавать научную литературу на русском языке, исо благодаря этому каждая новая информация сразу же становится достоянием всех ученых. Написание научной работы сначала на национальном языке, а затем перевод ее на русский язык нередко обесценивает ее, поскольку за это время она устаревает, появляются работы других авторов на аналогичные темы на русском языке; во-вторых, по тем же соображениям общедоступности и упрощения работы буряты предпочитают вести делопроизводство и официальную переписку в Бурятской АССР и округах на русском языке; в-третьих, вести преподавание всех дисциплин, кроме бурятского языка и литературы, в местных вузах на русском языке. В качестве основного языка обучения в государственных учреждениях и общественных организациях функционирует русский язык.

В последние годы по требованию трудящихся осуществляется переход на русский язык обучения в бурятских сельских школах. Дело в том, что среди бурятского населения владение русским языком имеет разные степени. Обычно различаются 3 этапа развития двуязычия: начальный, переходный и адекватное двуязычие¹. Подавляющему большинству двуязычных бурят присущ переходный этап двуязычия, когда процесс мышления частично осуществляется на втором, то есть русском языке. Однако сельским детям дошкольного и младшего школьного возраста (до 10-12 лет), а также пожилым и старым людям присущ начальный этап двуязычия. В этом случае человек думает на родном языке, а ко второму языку прибегает лишь в особых случаях, когда к этому вынуждает ситуация межнационального общения. Поступая в школу, эти дети иногда совершенно не знали русского языка, и практические навыки по нему вырабатывались у них в 4-5-х классах, когда все обучение переводилось на русский язык. Хотя и хорошо овладев впоследствии его нормами, они в течение всей жизни говорят с акцентом, при выражении мысли на русском языке ощущают

---

¹ См.: В. А. А в р о р и н. Указ. соч., с. 145-146.

влияние родного языка и испытывают некоторые затруднения при свободном общении на русском языке. В отношении владения русским языком они несколько отстают от городских детей, и по этой причине родители требуют перевода обучения в школах с первого класса на русский язык. Пользуясь правом выбора языка обучения, многие родители стремятся устроить своих детей в школы с учебным планом русской школы с тем, чтобы они как можно раньше начали изучать русский язык.

В Бурятской АССР в настоящее время действует 158 бурятских школ всех ступеней. Почти все они находятся в селе. В начале 70-х годов из 9890 учащихся-бурят I-3-х классов на русском языке училось 2920 человек; или 29,5%, а в 1976/1977 учебном году численность их возросла до 35%. Кроме того, 75% учащихся 4-х классов и 89,7% учащихся 5-х классов ныне целиком изучают основы наук на русском языке^I. Создаются подготовительные классы при начальных, восьмилетних и средних школах для обучения в них нерусских детей с 6 лет. Это в основном дети, которые не посещали ясли, сады и систематически не знакомились с русским языком.

Из того факта, что в Бурятии развивается массовое двуязычие, что некоторые общественные функции выполняются русским языком, вовсе не вытекает вывод об отмирании бурятского языка, об отсутствии у него иных общественных функций. По данным переписи 1970 г., более 92% бурят считают бурятский язык своим родным языком. Это в основном жители сел. В этнографической Бурятии в селах проживает более 237 тыс. человек, в городах — более 77 тыс. Бурятский язык ныне полнокровно функционирует как язык сельскохозяйственного производства, как язык бурятской художественной литературы, искусства и периодической печати. В Бурятии имеется Союз писателей. В районах и округах функционируют литературные объединения. В первые годы писателями являлись преимущественно представители хоринского диалекта. В последние годы ряды писателей пополнила талантливая молодежь из Тунки, Закамны, Баргузина, Оки, а также из Усть-Ордынского национального округа. В последние

---

^I См.: Л. Похосоев. Великий, могучий. — "Байкал", 1977, № 3, с. 125.

годы усиливается контакт писателей с читателями, увеличивается количество издаваемых художественных произведений на бурятском языке. Они становятся более популярными среди народа. Массовая информация передается через газеты, журналы, радио, телевидение, лекции, беседы также и на бурятском языке. На селе почти каждая семья выписывает 2-3 газеты и журналы, в том числе на бурятском языке. Бурятский драматический театр им. Х. Намсараева систематически ставит спектакли на бурятском языке и выступает с ними по всей этнографической Бурятии. Ансамбль песни и танца "Байкал", народные самодеятельные коллективы показывают многие свои номера на бурятском языке.

Таким образом, бурятский и русский языки распределяют между собой сферы обслуживания общественной жизни бурят. И в каждом случае выбирается наиболее эффективное средство общения, выражения мысли и познания окружающей действительности. Все буряты сознают, что в условиях современного "информационного взрыва" без овладения русским языком невозможно стать полноценным специалистом, достичь высот современных научно-технических знаний, и поэтому сознательно стремятся ко все более лучшему овладению русским языком.

Ныне сбылась ленинская мечта о том, чтобы "... каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку"¹. В то же время В. И. Ленин решительно отстаивал равноправие наций и языков², право преподавания в национальных школах на родном языке и, раскрывая понятие национальной гордости, говорил о любви к своему языку и своей родине³. Мы, буряты, сознаем, что родной язык - это творение многих поколений наших предков, которые в трудных жизненных условиях отшлифовали его, создали на нем изумительный фольклор, а в советское время - национальную художественную литературу и искусство. Поэтому подавляющее большинство бурят стремится в одинаковой степени овладеть бурятским и русским литературными языками. В последнее время во многих городских семьях стало культивироваться сознательное обучение детей родному языку.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 295.

² См.: там же, с. 378.

³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 107.

Для того чтобы дети не забывали родной язык, некоторые родители отправляют их на лето к родственникам в село. Многие молодые люди сами приходят к осознанию того, что не надо забывать свой родной язык, и стараются лучше овладеть им. Поскольку неграмотность ликвидирована, а обучение и образование в перспективе будут осуществляться на русском языке, бурятский язык должен использоваться прежде всего как средство раскрытия и развития творческих способностей данной нации. Как мудро заметил выдающийся русский языковед академик Л. В. Щерба, двуязычие "есть одно из самых благоприятных условий для развития ума и наблюдательных способностей, остроты этих способностей, ибо, когда мы являемся одноязычными, когда у нас один язык — очень трудно сосредоточить наше внимание перед средствами выражения мысли...", двуязычие "делает человека внимательным к тонким нюансам мысли и чувства"¹.

---

¹ Л. В. Щерба. Новейшие течения в методике преподавания родного языка. — В кн.: Первый Всесоюзный тюркологический съезд. 26 февраля — 5 марта 1926 г. Стенографический отчет. Якут, 1926, с. 342.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА
В. И. ЛЕНИНА В БУРЯТСКОЙ ПОЭЗИИ

Бурятская советская поэзия с самого своего зарождения обратилась к созданию образа В. И. Ленина. Одно из первых поэтических произведений на бурятском языке, стихотворение Г.-Д. Нацова "Ленин багшын магтаал" (Слава учителю Ленину) было посвящено Ленину¹. Стихотворения о В. И. Ленине, созданные в 20-30-е годы под влиянием устного народного творчества, выдержаны в риторическом стиле и имеют описательный характер, что особенно заметно в изобразительных средствах, использованных без достаточной творческой трансформации. Все это было вполне естественно, так как молодая бурятская поэзия искала пути реалистического воплощения действительности. В настоящее время литература бурятского народа достигла больших успехов в своем развитии и внесла "заметный вклад в художественную сокровищницу нашей страны"².

В бурятской поэзии одним из первых значительных произведений о Ленине была поэма А. Тороева "Ленин-багша"³ (1943), в которой видно стремление новаторски использовать устно-поэтическую традицию. В образном строе поэмы сохранены многие черты улигера. Однако за традиционно-улигерным характером сюжета скрывается реальное содержание, которое становится ясным, например, при упоминании исторических деятелей (Маркс, Энгельс) или географических названий (Сибирь, Северный Ледовитый океан, Якутия, Туруханск). Правда, главный герой поэмы наделен чертами улигерных богатырей.

¹ "Бурят-Монголои унэн", 1924, 6 окт.

² См.: А. Е г о р о в. О некоторых закономерностях развития художественных культур в условиях социализма. - В сб.: Эстетическое наследие В. И. Ленина и проблемы искусства. М., "Искусство", 1971, с. 17.

³ Аполлон Т о р о е в. Шэлэгдэмэл зохоолнууд. Улаан-Удэ, 1954, с. 11-53.

"Хада нарьядагнаа үндэр Хадуун нарангаа гэрэлхэн, Тэнгэридэ хурэмэ бөөтэй, Тэбхэр ээмтэй багша".	Выше горных вершин, Светлее яркого солнца, Ростом до небес, Плечистый наш учитель ¹ .
---	---

Из традиционных фольклорных средств использованы постоянные эпитеты, например "алтан шара наран" (золотисто-желтое солнце), "үргэн ехэ дэлхэй" (широкая просторная земля), "урданай холо сагта" (в далекие давние времена), олицетворения типа:

"Тайгын модод тайгаараа Таатай зугаа хэлсэбэ".	Все деревья тайги Вели приятный разговор.
Һара наран хоёр Һайхан хуурээ хэлсэбэ.	Вдвоем солнце и луна Приятный вели разговор.

Такие улигерные образы, как "мунгэн нарьядаг" (серебряная гора), "абарга могой" (чудовище-змея), наполняются новым содержанием: под "мунгэн нарьядаг" подразумевается человеческое познание вообще, "алтан бэшэгтэй номууд" (золотом написанные книги) на вершине серебряной горы олицетворяют марксистское учение, а "абарга могой" означает царское самодержавие.

Таким образом, поэма не свободна от улигерных условностей, хотя в ней и изображается реальная действительность. Своеобразный местный колорит в поэме создается путем широкого употребления диалектной лексики, например, "адаһан" (скот), "хадаса" (покос), "гульда" (жердь), "һорьбо" (трость) и т.д.

Оригинальное преломление фольклорных традиций наблюдается и в поэме Ц. Галсанова "Багша тухай Байгалай домоглол"² (Байкальские легенды о вожде), где образ Ленина дается не прямо, а через народное восприятие. Стиль поэмы носит сказовый характер, тем не менее встречаются некоторые фольклорные выражения, например "хэлэн хуунэн үгэлбэ" (сказал да приговаривал), "яба ябаһаар" (идя и идя), эпитеты типа "алтан шаргал" (золотисто-желтое).

В фольклорном начале поэмы используются такие изобразительные

¹ Здесь и ниже подстрочный перевод наш.

² Цэдэн Галсанов. Багша тухай Байгалай домоглол. Улаан-Удэ, 1969, с. 23.

приемы, как отождествление Ленина с солнцем:

Энэ мунөөшье	И теперь взошло
Ленин-наран	Ленин-солнце,
гараад,	И вокруг Байкала мирного кружится.

Энхэ Байгалые
эрбен тойрон ябанал.

Подобную метафору находим и в стихотворении Ц. Номтоева "Баг-ша"¹ (Учитель):

Арадуудай мунхэ наран -	Народов вечное солнце -
Агуу багша Ленин!	великий учитель Ленин!

То же самое можно найти в поэме Д. Лалсараева "Баатар тухай домог"² (Сказ о Баторе), где под Батором подразумевается Ленин:

"Баатартай-наратай болоюн лэ хойноо
байдалнай, баяшуулгүйгөөр
байгаалим хаартаа сэсэглэнэндэл
баран үнгөөрөө
байн байсараа дэлгэрхэл байха".

И теперь у нас Батор-солнце,
и жизнь наша без богатеев,
как природа, оживает весной,
пусть зацветет всеми цветами.

В бурятских поэтических произведениях, посвященных Ленину, обнаруживается влияние не только фольклорных традиций, но и публицистической речи. В этом отношении характерна поэма Ш. Нимбуева "Ленин тухай сэдхэлэй үгэ"³ (Задушевное слово о Ленине), написанная в сказовой манере. В этой поэме наша Родина, успехи, достигнутые ею благодаря Ленину и партии, обозреваются с космиче-

---

¹ Цогто Н о м т о е в. Шэлэгдэмэл зохиолнууд. Улаан-Удэ, 1969, с. 8.

² Дамба Д а л с а р а е в. Баатар тухай домог. Улаан-Удэ, 1969, с. 52-53.

³ Ширэв Ш и м б у е в. Сэдхэлэй сэсэг. Улаан-Удэ, 1972, с. 12-13.

ской высоты, на которую во сне необычным, можно сказать, волшебным образом взбирается герой поэмы. Здесь использован интересный, в некотором смысле фантастический прием:

Сэсэгхэн дээрэ
Сэлсын монсойжо,
Наранай гэрэлдэ
Наадан байһан
Шэнэхэн сэбэрхэн
Шүүдэрэй дунал
Шэгшүдээ аһаагаад,
Хэлэндээ шэнгээн,
луртэн гэхэдээ
Хүнгэн соложо,
Дээшээ холо руу
Дэгдэхээр зэнэбэб...

Слегка затронув
кончиком мизинца
переливавшуюся на солнце
росинку на цветке,
чуть прикоснулся
языком и тогда,
став сразу невесомым,
устремился ввысь...

Известно, что в публицистической речи сочетаются черты многих стилей, одна из которых, например повествовательная речь, может доминировать в поэме, написанной в публицистическом жанре.

Некоторые поэты пытаются обрисовать образ Ленина более обобщенно. Например, стихотворение Ц. Бадмаева "Кремлевские часы"¹ (Кремлевские часы): правдив ход кремлевских часов, их звонкий и мерный ход — это биение сердца земли, потому что стрелки кремлевских часов поставлены рукой Ленина.

Поэт Б. Базарон в стихотворении "Агуухэ Ленин"² (Великий Ленин) одной метафорой сумел выразить мысль о том, что учение Ленина распространяется по всему земному шару, что к нему обращаются все народы мира.

Олоной оройдо   На вершине народов
Одон болоһон нэрэ...   ставшее звездой ~~имя~~...

Иногда поэты, отталкиваясь от внешних деталей, с помощью метафоры переходят к более глубоким выводам. Например, Ч. Намжилов

---

¹ Цырен-Базар Б а д м а е в. Углөөнэй наран. Улаан-Удэ, 1952, с. 6.

² Бато Б а з а р о н. Алтан гадаһан. Улаан-Удэ, 1967, с. 17.

завершает стихотворение "Разлив нуурай эрьедэ"¹ (На берегу озера Разлив) такими строками:

Хабсагайн оройноо
Ниидэхэээ байһан бүргэдтэл,
Хоер энгэрынъ сэлигдэн
Холоноо салрана.

Белеет на его груди сорочка
из-за раскрывшегося нараспашку пиджака,
он напоминает орла,
взлетающего с вершины утеса.

А. Намсалон в стихотворении "Ленинскэ субботник"² (Ленинский субботник) довольно правдиво описал участие Ленина в субботнике. Связывая это с нашей современностью, он делает глубокий вывод:

Вождин табиян нууриһаа дээшэнъ
Бодхоолсоно тэдэ коммунизмын байһан...

Выше того фундамента, что поставлен вождем,
Они (передовики производства. - А.С.)
воздвигают коммунизма здание...

Ту же линию продолжают произведения, посвященные отдельным ленинским чертам. Обаятельная улыбка Владимира Ильича описана многими, например Х. Намсараевым в стихотворении "Агуухэ багша"³ (Великий учитель):

Ямар найхан галтай зөөлөхөн нюдэн,
Ямар найхан илдам урихан шарай
Арадай зурхэ, арадай сэдхэл хүдэлгөөб,
Арадай зориг, арадай хүсэ зангидааб.
С каким вдохновенным огоньком живые глаза,
Какое прекрасное, приветливое лицо
Волновали сердце народа и душу его,
Смытили воедино волю народа и силу его.

¹ Чимит-Рэгзэн Намжиллов. Алтан улгн. Улаан-Үдэ, 1958, с. 41.

² Бурят оронол баглаа сэгсэгүүд. Улаан-Үдэ, 1961, с. 14.

³ Хоча Намсараев. Суглуулагдамаал зохёолнууд, т. 2. Улаан-Үдэ, 1958, с. 347.

Гунга Чимитов писал о трехлетнем Ленине¹:

Туби дэлхэйн арюуниие,	Может, угадал мальчик
Туухын хожомой сарюуниие	Красоту шара земного,
Таажа хубуун мэдээ гү,	Будущей истории прелесть -
Таашаажа зохидоор энеэнэ.	Смеется он мило, довольный.

Интересна поэма А. Бадаева "Ильичэй энеэбхилгэ" (Улыбка Ильича), в которой дается философское осмысление ленинской улыбки. В небольшом вступлении к поэме говорится о том, какое значение имела улыбка Ильича в жизни народа:

Ильичэй дулаахан энеэбхилгээр	Теплой улыбкой Ильича
Гэрэлтэнэл даа ажабайдалнай.	жизнь наша светится.

Затем автор тонко прослеживает пути возникновения и исторического развития человеческой улыбки вообще. Начиная с Октября, улыбка приобрела родину и стала владыкой мира. С тех пор она сила: когда улыбается наша щедрая улыбкой страна, дрожат богачи, рушатся троны, улыбаются бедняки, цветет природа. В любом деле заложена частица улыбки Ильича:

Арюун энеэбхилгээр гэрэлтэн носоо
Алдарта далай-сэнхирхэн байгал.
Энеэбхилгын энэ далай соо -
Ильич багшын нюдэнэй гал!

От улыбки этой чистой загорелось огнем
Славное море Байкал голубой:
В этом море улыбки -
Огонь от глаз учителя Ильича!

Ленинская тема в буритской поэзии не могла ограничиться фольклорно-публицистической, условной манерой изображения, она требовала эпического осмысления. Первые подступы к созданию реалистического образа вождя находим в поэме Ж. Тумунова "Сухэ-Батор"³,

¹ Гунга Чимитов. Эхын найндэр дүтэлоол даа. Улаан-Удэ, 1962, с. 3.

² Алексей Бадаев. Талын аелга. Улаан-Удэ, 1972, с. 3-10.

³ Жамсо Тумунов. Сухэ-Баатар. Улаан-Удэ, 1946.

где верные портретные штрихи делают образ вождя более осязательным, более выпуклым:

Багша Ленин нюур шарайгаа
Барайлган, улайлган, тархья барина.

Побагровело лицо учителя Ленина и
держится он за голову свою...

Соходохи олон уршалаа-зургэнүүдын
Сугларан, таран, обогонон байба.

На лбу у него морщинки-тропинки,
Вздуваясь, то собирались, то разбегались.

Гайхамшагта тодо хурса нюдэдын
Гал мэтээр бадаран гэрэлтэнэ.

Удивительно ясные глаза его
Светятся как огонь зажженный.

Омог найханаар Ленин миһэрээд,
Олон дабхар эхэлээтэ бэшэгын
Хульан ташуурай бүрээ сооноо
Ходолон абажа урдаа табиба.

Улыбнувшись, Ленин и гордо, и красиво,
Вытащил из камышового кнутовища
Сложенное во много крат письмо
И положил его перед собой.

Рисуя портрет Ильича, поэт не употребляет слов возвышенного стиля, риторических выражений, и даже изобразительные средства в своей основе носят реальные черты:

Эльэтэ талын уршагы харанандал,
Как будто видел беды степей песчаных,
Элуур энхье түхөөн үгэдэг
Эмэй үбные шэгнэн байндал.

Как будто он взвешивал строго
даричее здоровье лекарственное растение.

2. Исследования

... Ленинэй магнай толидол малайба .

... Заблестело как зеркало чело Ленина.

Наиболее крупным произведением, созданным за последнее время на ленинскую тематику, можно считать поэму Н. Дамдинова "Минии багша Ленин"¹. Она показывает зрелость бурятской поэзии в целом. Поэма впервые в бурятской поэзии пытается раскрыть духовное богатство Ленина, его сложнейший мир.

Бурятские поэты, создавая образ Ленина, используют опыт советской литературы, прежде всего А. М. Горького, в изображении Ленина: показывать большое через малое, утверждать существенные черты характера на основе частных фактов.

Весь образный строй поэмы подчинен одной цели: показать величие Ленина, цельность его характера. Поэма написана в виде монолога Ивана Васильевича Бабушкина, верного ученика Ленина. Именно поэтому тон ее имеет такой душевный характер.

Конкретные детали, словно мазки на полотне художника, создают зримый портрет Ильича: "орой малаан, ошо сасарьян нюдэтэй" (лысы, с искрящимися глазами), "орьел мэтэ ундэр сагаан духа" (как горная вершина, высокое белое чело), үргэндэхи шарабтар зөөлэн нахалханаа улэ-мэдэг эльбээд" (бородку рыжую, мягкую свою слегка погладив), "эршэдүү тургэн гэшхэдэлтэй" (стремительно быстрым шагом), "үлүү шашаанда дурагуй, нягтаца нурамгай" (не любил лишней болтовни, был к аккуратности приучен).

Поэт описывает не только внешние черты, он раскрывает работу ума, душевное состояние своего героя. И это позволяет ему создать цельный образ Ленина: "Улам хурсаар нүдэндөө ухаанинь гэрэлтэнэ" (Лице ярче светятся умом его глаза); "Сагата оройдол Ленинэй нэшхэл сэбэр нэн" (Как снежные вершины, совесть Ленина чиста); "Сажуурдли үгэнь сата найдамгай бэлэил даа" (Как кремль, слова его были надежными).

Харайжа бодоод, Ленин хойшо урагшаа
Хаба тэнхээгээ багтаажа ядан ябасагаанхай.
Сонходо зогсоно, Эхэоронойгоо тушаа

¹ Николай Д а м д и н о в. Минии багша Ленин. Ехэл минн. Улаан-Удэ, 1968.

Сохом шэбшээд, иигэжэ хэсын шагаанхай.

Встал Ильич. Взад-вперед он по комнате ходит, взволнован.
Весь энергии сгусток, стремительный, несуетный.
Постоял у окна. К бедной родине мыслью прикован,
Резко голову вскинул и руки сложил за спиной.

(Перевод Олега Дмитриева)

Уверенность Ленина в правоте своего дела, непримиримость к любым колебаниям ярко показаны в следующих строках:

Алексеев нэгэтэ (хамта бидэнтэй ябатараа)
– Аяар хэзээнхи, нүхэд, хубисхал гээшэ бээ! – гэжэ энеэбэ.
Ильич хубилгаадхиба шэгээ,
Эрид хүйтэн нюдөөр нүхэрөө хараа.
– Таниие гайханаб!

Сохом би, өөрэ ухаандаа
Социалис хубисхал харахаб гэжэ ыанагшалби!

Алексеев однажды заметил с улыбкой угрюмой:
"Революция близко, да только когда-то придет..."
Но его мой учитель, в товарищах ценящий юмор,
Изменившись в лице, смерил взглядом холодным как лед:
"Удивляюсь я Вам! Лично я убежден в полной мере,
Что мы оудем свидетели полной победы ее!"

Неразрывная связь партии с народом, чувство приближающейся революции переданы следующими строками:

Гансал Ленин – үльгэртэ бэшэ, мүнөө үе –
Газараи сээжэдэ шэхэеэ дахаад абахадаа,
Дутэлжэ ясанан буналгаанай хунхинөөе
Дүүрэн ыонороор соносожо шадаан юмэл даа.

Для него не была Революция сказкой красивой:
Но казалось, как витязь, к земле он припал головой.
И услышал – внутри с нарастающей явственно силои,
Ылокоча раздается восстания гул громовой!

Он шел к высокой цели, и никакие козни противников не могли помешать ему:

Уула үндэр зорилготой багшадамнай

Улюур бахануудай хараал халдаха хусэгүй нэн .

К учителю нашему, имеющему высокую, как горы, цель,
Бессильна была прилипнуть ругань квакающих лягушек.

Из приведенных выше примеров становится ясно, что Н. Дамдинов сумел преодолеть фольклорную традицию и создал подлинно реалистическое произведение.

Проведенный нами анализ показывает, что художественные средства, с помощью которых в бурятской поэзии создается образ В. И. Ленина, постоянно развиваются. На смену фольклорным традициям приходят реалистические приемы изображения, которые придают новаторский характер произведениям таких бурятских поэтов, как Ж. Тумунов и Н. Дамдинов.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПОСТПОЗИТИВЫ
В БУРЯТСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ

При сопоставительном изучении порядка слов в современном бурятском и японском языках обнаруживается их довольно большая структурная близость. Особенно это касается употребления служебных слов, в частности пространственных постпозитивов, под которыми понимаются послелогои и некоторые знаменательные слова, употребляющиеся в служебной послеложной функции.

Для сопоставления были выбраны постпозитивы, служащие для передачи различных пространственно-временных, причинно-следственных, компаративных и других отношении. При этом за основу взяты постпозитивы современного японского языка и к ним подобраны по смысловым соответствиям слова современного бурятского языка.

Большую работу по определению японских постпозитивов проделала Н. И. Фельдман¹. Она выделяет в современном японском языке отыменные и отглагольные послелогои. Постпозициям в монгольских языках посвятил свою работу Ф. Бак, который также выделяет в них отыменные и отглагольные послелогои². Наличие же постпозиций в бурятском языке признается всеми авторами грамматик. Однако у них нет единого мнения в определении состава слов, включаемых в постпозитивы, и их классификации. К тому же в современном бурятском языке еще не завершен полностью процесс превращения некоторых знаменательных слов в послелогои.

Н. И. Фельдман считает, что послелог в японском языке тождествен предлогу в индоевропейских языках. Она пишет: "В лингвистической литературе общепризнано, что предлог есть служебная часть (иначе - частица) речи, служащая для выражения синтаксических отношений между именами и глаголами, а также между именами и име-

¹ См.: Н. И. Ф е л ь д м а н. Послелогои в современном японском языке. Канд. дис. М., 1944.

² F. B a c k. Comparative Study of Postpositions in Mongolian Dialects and the Written Language. Cambridge, 1955.

нами. Это определение полностью относится и к послелогу"¹. Поэтому при выделении постпозитивов, то есть послелогов, в японском и бурятском языках мы брали за основу их служебные функции в предложении.

Что касается происхождения послелогов, то они образуются от знаменательных слов: существительных, глаголов, наречий и т.д. Иногда полнозначное слово постепенно теряет свое самостоятельное значение и превращается в служебное. В этом отношении весьма показателен бурятский язык, где наряду с полностью перешедшими в послелого слова налицо существуют такие, которые находятся еще на переходной стадии. Например, в бурятском языке есть отыменный послелог *һуудэ* с временным значением 'после', тогда как исходное слово *һуул* значит 'хвост'. Обнаружено таких слов немного, большинство из них все-таки сохраняет свое исконное значение и в роли послелогов.

В бурятском языке в настоящее время выделяются отыменные, отнаречные, отглагольные и собственно послелого. Кроме того, некоторые имена существительные, прилагательные и местоимения в соответствующем контексте выполняют послеложную функцию, хотя и не являются еще в полном смысле послелогоми. В данной работе они отнесены также к постпозитивам наряду с послелогоми.

Пространственные отношения в современном японском и бурятском языках выражаются как падежными формами, так и послелогоми в сочетании с теми или иными падежными формами.

В японском языке эти отношения могут быть переданы дательным, творительным, исходным, винительным, просективным падежами и падежом направления. Например, *ути-ни* 'дома' (дат.п.), *гакко:-дэ* 'в школе' (твор.п.), *гакко:-кара* 'из школы' (исх.п.), *гакко:-э* 'в школу' (падеж направления), *мити-о аруку* 'шагать по дороге' (вин.просект.п.). Характерно, что пространственные постпозитивы в японском оформляются теми же показателями, что и указанные падежи, составляя с управляемым именем, который всегда стоит в родительном падеже, единое целое.

---

¹ Н. И. Ф е л ь д м а н. Отыменные послелого в японском языке. - В кн.: Вопросы грамматического строя. М., Изд-во АН СССР, 1955, с. 254-255.

Пространственные отношения в бурятском языке передаются, как правило, тремя пространственными падежами: дательным-местным, инструментальным и исходным, например: нургуулида 'в школе' (дат.п.), нургуулыар 'в школе, по школе' (инстр.п.), нургуулиһаа 'из школы' (исх.п.). Как и в японском, пространственные постпозитивы в бурятском языке также оформлены соответствующими падежными показателями. К примеру: гэрэй арада 'за домом', гэрэй араар 'за домом', гэрэй араһаа 'из-за дома' и т.д.

Говоря о склонении послелогов, Н. И. Фельдман правильно отмечает, что склоняется не сам послелог, а все словосочетание в целом, то есть послелог с управляемым именем^I.

Словосочетания с пространственными постпозитивами отвечают на следующие вопросы:

Японский язык	Бурятский язык	Перевод
доко-ни	хаана	где?
доко-ни } доко-о }	хаагуур	где?
доко-э	хайша	куда?
доко-кара	хаанаһаа	откуда?
доко-мадэ	хаана хүрэтэр	до какого места?

В зависимости от вопроса можно подразделить постпозитивы на три группы: локальные, указывающие на местонахождение предмета или место действия и отвечающие на вопрос доко-ни? (бур. хаана?) 'где?'; пространственные, указывающие пространство, где или по которому происходит действие и отвечающие на вопрос доко-ни (доко-о)? (бур. хаагуур) 'где?', и постпозитивы направления, указывающие направление действия, исходный пункт, откуда происходит действие, или предел действия, и отвечающие на вопросы доко-э? (бур. хайша(а) 'куда?', доко-кара? (бур. хаанаһаа), доко-мадэ? (бур. хаана хүрэтэр) 'до какого места'.

Локальные постпозитивы

В японском языке в качестве локальных постпозитивов выступают главным образом отыменные послелоги, оформленные падежными суф-

^I Н. И. Ф е л ь д м а н. Отыменные послелоги в японском языке, с. 284.

фиксами дательного-местного и творительного падежей -ни и -дэ, и один-два отглагольных послелого (-ни ойтэ и -ни окэру). Например, цукуэ-но уэ-ни 'на столе', ки-но айда-ни 'между деревьями', Токио-ни ойтэ 'в Токио' и т.д.

В бурятском языке им соответствуют в большинстве случаев отнаречные, отыменные, отглагольные и собственно послелого, а также некоторые имена и наречия в послеложной функции. При этом отыменные послелого и постпозитивы, выраженные именами, оформляются, как и в японском языке, аффиксами дательного-местного падежа -да (-дэ, -до), -та (-тэ, -то). Отнаречные послелого употребляются с суффиксами -ра (-рэ, -ро), -на (-нэ, -но) или в какой-нибудь застывшей форме. Отглагольные послелого бывает в форме какого-нибудь деепричастия (предельного, разделительного, слитного и др.). Из числа собственно послелогов с локальным значением употребляются соо 'в, на, среди' и тээ 'на... стороне' в качестве компонента составного послелого.

Составные послелого состоят из двух компонентов - определения и послелого. Они имеют большое распространение в бурятском языке. В качестве определения чаще всего употребляются следующие слова: газаа 'внешний, наружный', зосоо 'внутренний', дээдэ 'верхний', доодо 'нижний', зуун 'восточный', баруун 'западный', урда 'южный', хойто 'северный', ара 'задний', 'теновой', үбэр 'передний, южный', наада 'ближний', саада 'дальний', нугөө 'противоположный, другой' и другие. Вторым же компонентом выступают, как правило, слова хажуу 'бок, сторона', тала 'степь', бэе 'тело, туловище', оформленные также формантами дательного-местного падежа. Например, галай баруун хажууда (или талада) 'на правой стороне очага'. Широкое употребление в качестве второго компонента имеет и собственно послелог тээ в значении 'на... стороне': конторын саада тээ 'за конторой'.

В японском языке подобные конструкции не признаются послелогоами. Например, такие имена, как кава (гава) 'сторона', хо: 'направление, сторона', выступают в таких же конструкциях, как в бурятском: мигигава-ни 'на правой стороне', хидари-но хо:-ни 'налево, на левой стороне' и т.д. Если в японском языке имена кава, хо: еще сохраняют свое значение как полнозначные имена, то этого нельзя сказать о бурятских именах хажуу, тала, которые уже пре-

вратились в послелого. Это подтверждается еще и тем, что они взаимозаменяемы и от этого смысл не меняется. Например, вместо галай баруун хажууда 'на правой стороне очага' без ущерба для смысла можно сказать галай баруун талада или галай баруун тээ.

В японском языке с локальным значением употребляется отглагольный послелог -ни ойтэ и его определительная форма -ни окэру со значением 'в, на'. Прямого соответствия ему в бурятском языке нет, и его значение передается с помощью падежа, послелогов дотор, соо, дээрэ или описательным путем. Например, Мосукува-ни ойтэ || Москвада 'в Москве', кокунай-ни ойтэ || орон дотор 'в стране', то: тайкай-ни ойтэ || партиин съезд дээрэ 'на съезде партии', нихон-ни ойтэ || Японидо 'в Японии' и т.д.

Локальные постпозитивы в японском и бурятском языках

Японские постпозитивы

Соответствующие им бурятские постпозитивы

айда-ни } 'между, среди'
айда-дэ }

хоорондо 'между'
дунда 'среди, между'
соо 'в, среди'

си-но айда-ни 'между деревьями'

модондой хоорондо 'между деревьями'

се:нэнтати-но айда-дэ
'среди юношества'

залуушуулай дунда
'среди молодежи'

хитотати-но айда-ни
'среди людей'

зоной дунда или зон соо
'среди людей'

уэ-ни 'на чем-либо'

дээрэ 'на'

тэ:буру-но уэ-ни 'на столе'

стол дээрэ 'на столе'

сита-ни 'под чем-либо'

доро 'под'

тэ:буру-но сита-ни 'под столом'

стол доро 'под столом'

нака-ни } 'в, внутри, среди'
нака-дэ }

соо, дотор, дунда 'в, среди, внутри'

токо-но нака-ни 'в постели'

хунжэл соо 'в постели'

ю:мэйнин-но нака-дэ

суутай зоной дунда

'среди знаменитостей'

'среди знаменитостей'

ути-но нака-ни 'в доме'

маэ-ни 'перед, впереди'
иэ-но маэ-ни 'перед домом'

усиро-ни 'за, позади'

ватакуси-но усиро-ни
'за мной, позади меня'

соба-ни 'у, около, рядом'
тябудай-но соба-ни
'около столика'

сото-ни 'за, вне, снаружи'

мон-но сото-ни 'за воротами'

мавари-ни 'вокруг'
ути-но мавари-ни 'вокруг дома'

муко:-ни или мукай-ни
'против, напротив'

иэ-но муко:-ни
'напротив дома'

-ни ойтэ (ни окэру) 'в, на'
Токио-ни ойтэ 'в Токио'
сэкай какути-ни ойтэ
'во всех уголках мира'

ути-ни 'среди, внутри'
нихондзин-но ути-ни
'среди японцев'

гэр дотер (соо) 'в доме'

урда 'перед, впереди'
гэрэй урда 'перед домом'

арада) 'за, позади'
хойно)
мини арада (хойно)
'за мной, позади меня'

хажууда, дэргэдэ 'у, около'
столой хажууда (дэргэдэ)
'у стола, около стола'

газаа, газзаа тээ, газзаа талада
'за, на внешней стороне'
үүдэнэй газзаа (газзаа тээ,
газзаа талада) 'за воротами'

тойроод 'вокруг'
гэр тойроод 'вокруг дома'

нүгөө хажууда (талаца, бээдэ,
тээ) 'на другой стороне,
напротив'
гэрэй нүгөө талаца
'напротив дома'

Токиодо
дэлхэйн бухы булангуудаар
'во всех уголках мира'

дунда, соо 'в, среди'
японцуудай дунда
'среди японцев'

Многие из этих послелогов имеют и временное значение, однако здесь описаны только их пространственные значения.

Из приведенных примеров видно:

а) отменным послелогам японского языка с локальным значением в бурятском соответствуют отменные, отнаречные, отглагольные и собственно послелогои;

б) все японские отменные локальные послелогои управляют родительным падежом, а бурятские – родительным падежом и основной имени;

в) значение одного японского послелога может передаваться в бурятском несколькими послелогамии: яп. айда-ни 'между, среди'; бур. хоорондо 'между', дунда 'среди', соо 'в, внутри'. Это происходит от того, что сочетаемость послелогов с управляемыми словами зависит от их лексического значения, иначе говоря, выбор послелога зависит от семантической и грамматической сочетаемости как самого послелога, так и управляемого слова;

г) японскому отменному послелогу мавари-ни 'вокруг' в бурятском соответствует отглагольный послелог тойроод в форме разделительного деепричастия. Следует сказать, что этот глагол продолжает активно употребляться в языке в исконном значении и образованные от него разделительное деепричастие тойроод, слитное деепричастие тоирон выполняет послеложную функцию только в соответствующих контекстах.

Помимо перечисленных бурятских послелогов, соответствующих японским отменным послелогам с локальным значением, в бурятском языке бытует несколько постпозитивов именного происхождения, которые иногда могут выполнять послеложную функцию. К их числу можно отнести: захада 'у, около, на краю', забхарта 'в, между', оройдо 'на, на вершине', оёрто 'в, по, на дне', оршондо 'у, около, вблизи, вокруг', багта 'приблизительно, около' и другие. Подобного рода знаменательным словам бурятского языка, постепенно приобретающим служебное значение, в японском языке соответствуют отменные послелогои или знаменательные слова. Например, бур. номой забхарта, яп. хон-но нака-ни (послелог) 'в книге', бур. харгын захада, яп. митигива-ни 'у дороги' (знаменательное слово), бур. хадын оройдо, яп. яма-но уэ-ни (послелог) 'на горе', бур. чургуули багта, яп. гакко:-но тикаку-ни (знаменательное слово) 'около школы'.

Таким образом, и в японском, и в бурятском языках имеется группа локальных постпозитивов, куда входят послелогои и некоторые знаменательные слова, употребляющиеся в служебно-послеложной функции.

Пространственные постпозитивы

В качестве пространственных постпозитивов выступают те же локальные послелогои, но в другом оформлении и с другим содержанием. Если локальные постпозитивы выражают статичность, то пространственные постпозитивы выражают динамичность и указывают на место или пространство, где происходит то или иное действие. В бурятском языке они употребляются с формантами инструментального падежа -(г)аар, -(г)ээр, -(г)оор, -(г)өөр, -(г)уур, -(г)уур и отвечают на вопрос хаагуур? 'где?'. Например, хашаагай араар 'за оградой', ногооной оёроор 'в траве', гэрэй үбэрөөр 'перед домом', хорёо соогуур 'по ограде', хада дээгуур 'над горой', айлай хойгуур 'за домами' и т.д.

В японском языке между пространственными и локальными постпозитивами нет такого резкого различия, как в бурятском, и оформляются они одним и тем же суффиксом дательного-местного падежа -ни, а с глаголами движения пространственные постпозитивы могут получить суффикс винительного падежа -о: яп. мати-но уэ-о тобу, бур. город дээгуур ниидэхэ 'пролетать над городом', яп. из-но маэ-ни асобу, бур. гэрэй урдуур наадаха 'играть перед домом'.

Примечательно, что отдельные локальные послелогои в бурятском, как дотор 'в, внутри', дэргэдэ 'у, около', не употребляются в форме пространственных послелогов и заменяются синонимичными словами соогуур 'в, внутри, среди, по' и хажуугаар 'мимо, около'.

Японские постпозитивы

айда-ни 'между, среди'
уэ-ни 'над'
сита-ни 'под'
нака-ни 'по, в, внутри'
маэ-ни 'перед'

Бурятские постпозитивы

хоорондуур, дундуур, соогуур
'между, среди'
дээгуур, оройгоор 'над'
доогуур 'под'
соогуур, дундуур 'по, в, среди'
урдуур 'перед'

усиро-ни 'за'

соба-ни 'около, мимо'

сото-ни 'за, по'

мавари-ни 'вокруг'

араар, хойгуур 'за, по
северной стороне'

хажуугаар 'около, мимо'

газаагуур, газаа тээгуур,
газаа талаар 'за, по внешней
стороне'

тойроод, тойрон 'вокруг'

Различие бурятских пространственных постпозитивов от японских состоит в основном в их внешнем оформлении, то есть в бурятском они принимают аффиксы инструментального падежа, тогда как в японском в большинстве случаев они идут с тем же показателем дательного-местного падежа -ни. Формант винительного падежа они получают в тех случаях, когда ими управляет глагол движения. Например: Кодомотати-ва изэ-но маэ-ни асондэ ита 'дети играли перед домом'; Курума-ва изэ-но маэ-о то:ттэ итта 'экипаж проехал перед домом'.

Таким образом, в японском языке в отличие от бурятского локальные и пространственные постпозитивы морфологически не дифференцируются.

Постпозитивы направления

Эти постпозитивы указывают направление действия, исходный пункт действия или его предел и отвечают на вопросы доко-э? 'куда?' (бур. хайша(а)?, доко-кара? 'откуда?' (бур. хаанаһаа?) и доко-мадэ? 'до какого места' (бур. хаана хурэтэр?).

В японском языке направление действия выражается падежом направления (суффиксы -э или -ни): Токио-э ику 'ехать в Токио', кабан-ни ирэру 'положить в портфель', цукуэ-но уэ-э носэру 'посадить на стол'. Для указания исходного пункта, откуда происходит действие, используется исходный падеж с суффиксом -кара (в письменном языке - эри): Токио-кара куру 'приехать из Токио', кабан-но нака-кара торидасу 'вытащить из портфеля'. А предел действия выражается постпозитивом -мадэ, который у японских авторов называется наречным служебным словом^I, а у некоторых советских япо-

^I См.: М. К и э д а. Грамматика японского языка. М., Изд-во иностр. лит., 1958, с. 542.

нистов - суффиксом предельного падежа¹. Например, аса-кара бан-мадэ хатаракү 'работать с утра до ночи'.

В бурятском языке направление действия выражается с помощью отнаречных послелогов и чаще посредством суффиксов -ша (-шэ, -шо), присоединяемых к некоторым наречиям: дээшэ 'вверх, выше', доошо 'вниз, пониже', нааша 'сюда, по эту сторону', сааша 'за, туда, по ту сторону', урагша 'в, в южную сторону', хойшо 'к, в северную сторону', тээшэ 'в, к, по направлению к...', уруу (руу) 'вниз', өөдэ 'вверх', худар 'в, на, в сторону'.

Послелогои, содержащие суффикс -ша (-шэ, -шо), за исключением тээшэ, управляют исходным падежом, а послелогои тээшэ, уруу (руу), өөдэ и худар управляют основой имени: намһаа дээшэ 'выше меня', Москваһаа сааша 'за Москвой', гэрһээ урагша 'южнее дома', но гэр тээшэ 'к дому', хада өөдэ 'вверх по горе, в гору', харгы руу 'по дороге', ой худар 'в лес, в сторону леса' и т.д.

Таким образом, для передачи направления действия в японском языке используются падежи направления с формантами -э и -ни или послелогои, а в бурятском - только отнаречные послелогои.

Исходный пункт действия в бурятском языке выражается, как и в японском, исходным падежом с окончанием -һаа (-һээ, -һоо, -һөө).

Постпозитивы также принимают форму исходного падежа. Например, машина дээрһээ бууха 'сойти с машины', хунуудэи араһаа бултайха 'выглянуть из-за людей', таһалга сооһоо гараха 'выйти из комнаты' и т.д.

Предел действия в бурятском языке выражается отглагольным послелогом хурэтэр 'до', который представляет собой форму деепричастия предела от глагола хурэ 'достигать, добираться'. Значение этого послелогоа совпадает со значением японского постпозитива -мадэ 'до': бур. город хурэтэр, яп. тоси-мадэ 'до города', бур. энэ хурэтэр, яп. коко-мадэ 'до этого'.

Иногда в зависимости от смысла контекста, точнее от значения управляемого слова, вместо хурэтэр может употребляться болотор (предельное деепричастие от глагола боло 'становиться'). Напри-

---

¹ См.: Н. А. Сыромятников. Становление новояпонского языка. М., "Наука", 1965, с. 221.

мер, бур. углөөнөө удэшэ болотор 'с утра до ночи' соответствует японскому аса-кара бан-мадэ. Предельное деепричастие в бурятском языке служит для выражения предела, поэтому и другие глаголы этой деепричастной формы могут выступать со значением японского постпозитива -мадэ. Например, бур. нара гаратар 'до восхода солнца' совпадает по значению с яп. хи-га дэру мадэ. Эти примеры показывают, что одно и то же значение может быть выражено в одном языке грамматическими средствами, а в другом - лексическими и наоборот.

Бур. хурэтэр и яп. мадэ в роли постпозитивов управляют основой имени.

Итак, в японском и бурятском языках имеются постпозитивы, указывающие местонахождение предмета, пространство, где происходит действие, и его направление. Пространственные постпозитивы вместе с управляемым именем оформляются соответствующими падежными формантами или суффиксами (в бурятском).

В употреблении пространственных постпозитивов в японском и бурятском языках обнаруживается, таким образом, типологическое сходство.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ИСКОННЫХ ЛИЧНЫХ ИМЕН БУРЯТ

Вопрос о дифференциации мужских и женских "некалендарных" имен бурят никем до сих пор не рассматривался. Как известно, разграничение личных имен по родам неразрывно связано с системой родовой корреляции, которой в настоящее время нет в монгольских языках. Однако все авторы монгольских грамматик указывали на некоторые следы грамматического рода. Акад. Владимирцов, подчеркивая наличие признаков категории рода в монгольских языках, писал о применении особых словообразовательных аффиксов и сингармонизма при фonomорфологической дифференциации по родам¹.

Отдельные признаки разграничения мужского и женского родов в языках монгольской группы наблюдаются, естественно, и на антропонимическом материале. Тенденция к лексико-морфологической дифференциации мужских и женских форм личных имен наиболее четко прослеживается в современном калмыцком языке², менее четко - в современном бурятском и монгольском языках.

Производные женские имена бурят, как и апеллятивы, оформляются с помощью аффиксов, большинство которых в монгольских языках имеет "фонетические варианты, возникающие в силу дистантной прогрессивной ассимиляции, называемой в алтаистике гармонией гласных. В зависимости от корневой гласной один и тот же аффикс может быть представлен в нескольких видах, максимум в четырех. При этом никому неизвестно, какой из этих вариантов является базовым, первичным или основополагающим. Вероятнее всего, что они равноценны и ни один из них не является вариацией другого. Таким образом, аффикс в монгольских языках - это нечто фонетически неизвестное, реализованное в разных вариантах. Единственно константное в таких

¹ См.: В. Я. В л а д и м и р ц о в. Следы грамматического рода в монгольских языках. - "Докл. Российской АН", серия В. Л., 1925, с. 31-34; о н ж е. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, с. 133.

² См.: Г. Ц. П ю р б е е в. Дифференциальные признаки женских и мужских личных имен калмыков. - "Ономастика Поволжья". 2. Горький, 1971, с. 53-63.

аффриксах - это согласный звук..."¹.

Женские личные имена с суффиксом -хан. В монголистике принято считать, что суффикс -хан (-хон, -хэн), имеющий в своей семантике уменьшительно-ласкательное значение, употреблялся для обозначения существ женского пола: хуу 'мальчик' - хуухэн 'девушка', ноён 'князь, господин' - ноёхон 'княжна', ахай 'старший брат' - ахайхан 'жена старшего брата'².

Употребление аффрикса не ограничивается этим, с его помощью образуются и имена существительные неодушевленные и прилагательные со значением уменьшительности и ласкательности³. В антропонимии конца XIX - середины XX в. он представлен в женских именах, образованных от качественных прилагательных: Айдархан ср. айдар 'милая, милая', Арюухан ср. арюун 'чистый, ясный, светлый, честный, милый, славный, красивый'.

Суффикс -хан имеется и в структуре женских имен, образованных от существительных: Оюухан от оюун 'ум, разум; одаренность, разум; гений', Налхан ср. нал 'красный яхонт, рубин', нал эрдэни 'красный яхонт', Ногоохон ср. ногоон 'трава'.

Некоторые из этих имен образуют маркированные коррелятивные пары, показывающие явную дифференциацию по полу: Алдар - Алдархан, Сагаан - Сагаахан, Улаан - Улаахан, Уян - Уяхан, Нохой - Нохойхон. Другие образуют параллельные ряды женских имен: Оюун - Оюухан, Арюун - Арюухан, Ногоон - Ногоохон, Шара - Шарахан, Ямаан - Ямаахан. Третьи не составляют каких-либо пар с соотнесенными именами, в составе их основ - адъективные и аппеллятивные слова: Айдархан - айдар, Налхан - нал.

Однако уменьшительно-ласкательный суффикс -хан (-хон, -хэн)

¹ Т. А. Бертагаев. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., "Наука", 1969, с. 28-29.

² См.: В. Я. Владимирцов. Следы грамматического рода в монгольских языках, с. 34; К. М. Черемисов. Заметки по бурят-монгольскому языку. О некоторых суффиксах бурят-монгольского языка. - "Зап. БМ НИИЯЛ", вып. 3-4. Улан-Удэ, 1941, с. 110-113; Э. Р. Рыгдылон. Топонимические этюды. - "Зап. БМ НИИЯЛ", вып. 22. Улан-Удэ, 1953, с. 30.

³ Подробнее см.: У.-А. Ш. Дондуков. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, 1964, с. 13-14, 34.

представлен и в личных именах мужчин: Балтахан ср. Балта, балта 'молот, кувалда', балтадаха 'бить молотом, ковать', Тумэрхэн ср. Тумэр, түмэр 'железо, жесть, металл', түмэрхэн 'железка'.

Более четко прослеживается функция суффикса -хан- (-хн-) в калмыцкой антропонимии, где он является показателем только женских имен: Дулахн от дулан 'теплый', Амархн от амр 'спокойный'¹.

Об употребительности этого суффикса в женских личных именах пишет и исследователь монгольской антропонимии Ч. Содном, в словаре которого указаны, кроме неэтимологизируемых на монгольских языках имен Есуихэн, Жунхэн и других, имена Ахайхан, ср. монг. ахай уст. 'почтительное обращение к замужней женщине', ср. бур. ахайхан 'жена старшего брата, старшая сестра (уменьшительно-ласкательное обращение)', Баярхан от Баяр, баяр 'радость, праздник, торжество', Борхон от бор 'серый, смуглый (о цвете лица), неприхотливый'².

Женские имена с суффиксом -маа. Аффикс -маа заимствован вместе с личными именами в связи с распространением буддизма в Монголии, а затем в Бурятии и Калмыкии; восходит к тибетскому слову маа 'мать', которое, лишившись в монгольских языках вещественного значения суффиксировалось, приобретя, естественно, деривационное значение³. Ныне аффикс является одним из продуктивных компонентов при образовании оригинальных женских имен от мужских: Баярмаа, Баирма ср. Баяр, Баир 'радость, веселье, праздник, торжество', Зоригмаа ср. Зориг 'смелый, волевой, целеустремленный', Соёлмаа ср. Соёл 'культура, образованность'.

Однако суффикс употребляется в именах, которые по семантическим показателям заведомо известны как женские: Сэсэгма ср. Сэсэг 'цветок', Гэрэлмаа ср. Гэрэл 'свет, освещение, луч', Удбалмаа от Удбал 'водосбор зеленолиственный'.

¹ См.: Г. Ц. П ю р б е е в. Указ. соч., с. 59.

² См.: Ч. С о д н о м. Монгол хүний нэрийн тухай. - "Монголын судлалын зарим асуудал", т. IУ, fasc. I5. Улаанбаатар, 1964, с. 55, 76, 77.

³ См.: У.-ж. Ш. Д о н д у к о в. Указ. соч., с. 48; И. Д. Б у р а е в, Л. Д. Ш а г д а р о в. О бурятских личных именах. - "К изучению бурятского языка". Улан-Удэ, 1969, с. 112; Г. Ц. П ю р б е е в. Указ. соч., с. 60.

Женские личные имена с аффиксом -а. В 50-х годах среди городской интеллигенции бурят стали появляться русифицированные формы женских личных имен типа Саяана, Баира, Туяана, образованных от мужских Саяан, Баир (Баяр), Туян (Туяа), восходящих к топониму Саяан и апеллиативам баяр 'радость, веселье, праздник, торжество', туяа(н) 'луч, лучи света, сияние'. Как видно, здесь наблюдается влияние и аналогия с такими моделями, как Александр - Александра, Валентин - Валентина¹.

Влияние русской модели сказывается и на заимствованиях из буддийского календаря: Балжиита, Дониира, Дэжиита, Нагмиита, Рэгзена, Сэмжиита, Чимиита. По аналогии с последними образовалось Булгиита ср. Булган, булган 'соболь'.

Это же влияние замечено и исследователем калмыцкой антропонимии Г. Ц. Пюрбеевым, который пишет, что под влиянием русского языка морфологической дифференциации коснулись имена, в прошлом не различавшиеся по роду².

В революционные и послереволюционные годы активно заимствовались русские имена и в Монголии, где под влиянием моделей Елена (Лена), Елизавета (Лиза) появились Ариуна от Ариун, Болора от Болор, Нараана от Наран³. Возможно, монгольские женские имена с конечным показателем -а принадлежат детям аспирантов и студентов, учившихся в Советском Союзе. Могла оказать влияние и исконная структура с ласкательным суффиксом -аа (-ээ, -оо), которая с течением времени стала употребляться в качестве женских имен: Баянаа от Баян, Уранаа от Уран, Цэцэгээ от Цэцэг⁴.

Мужские личные имена с суффиксом -дай. В структуре личных имен часто употребляется уменьшительно-ласкательный суффикс -дай (-дой, -дэй)⁵, который входит в состав комбинированного слитного

¹ См. также: Справочник личных имен народов РСФСР. М., 1965, с. 87; А. А. Дарбеева. К вопросу о социальной сущности личных имен в монгольских языках. - "Ономастика". М., "Наука", 1969, с. 51.

² См.: Г. Ц. Пюрбеев. Указ. соч., с. 60.

³ См.: Ч. Содном. Указ. соч., с. 32. Информация Л. Жамбалдоржа, аспиранта из МНР.

⁴ См.: Ч. Содном. Указ. соч., с. 55-56.

⁵ См.: У.-Д. Ш. Дондуков. Указ. соч., с. 21; И. Д. Бураев, Л. Д. Шагдаров. О бурятских личных именах, с. 113.

-аадай (-оодой, -ээдэй) по типу -аахай (-оохой, -ээхэй). Ср. слово ангаахай, приведенное проф. Бертагаевым, с ангаадай¹.

Э. Р. Рыгдылон предполагал, что суффикс -дай, в противоположность к -хан, обозначает мужской пол, ибо он часто встречается в мужских личных именах: Сагаадай (ср. Сагаахан), Баяндай (ср. Баянхан)².

Наш материал подтверждает предположение Э. Р. Рыгдылона. Посредством уменьшительно-ласкательного суффикса -дай образованы мужские личные имена от апеллятивов, адъективов и адъективных слов: Булгадай ср. булган 'соболь', Бишаадай ср. бишайхан 'маленький', бишаа-бишаа 'понемногу', Дуудэй ср. дуу 'младший', дуудэй 'младший братишка', Сагаадай ср. сагаан 'белый, добрый, чистый', Убгөөдэй от убгэн 'старый, старик', убгөөдэй 'старичок'.

Преобладающее большинство перечисленных имен образует параллельные пары мужских антропонимов: Баян - Баяндай, Бишайхан - Бишаадай, Забаан - Забаадай, Малаан - Малаадай, Бата - Батаадай, Батуудай, Убгэн - Убгөөдэй, Сагаан - Сагаадай.

При помощи этого же суффикса -дай (-адай, -одой, -эдэй, -удай) образованы мужские имена от основы изобразительных слов: Ангаадай от ангагар 'открытый, раскрытый, разинутый (о рте)', Борбоодой ср. борбогор 'невзрачный, жиденький'.

Использование подобной модели не является привилегией какой-либо локальной группировки. Имена, образованные от основы изобразительных слов, встречаются и в Иркутской, Читинской областях, и в аймаках Бурятии. Однако с широким распространением заимствованных имен они архаизировались и ныне представляют устаревшую форму именобразования.

Суффиксы -дай (-аадай, -оодой, -ээдэй), -дии (-аадии, -оодии, -ээдии) используются и для образования женских имен: Ямаадай, Эшэгээдэй, Эшэгээдии.

В монгольском языке суффикс -дай также служит в преобладающем большинстве для оформления мужских личных имен: Бөхдэй, Монголкой, Тумэндэй³.

¹ См.: Т. А. Бертагаев. Морфологическая структура слова в монгольских языках, с. 32.

² См.: Э. Р. Рыгдылон. Топонимические этюды. II. - "Зап. БМ НИИК", вып. 22. Улан-Удэ, 1956, с. 93.

³ См.: Ч. Содном. Указ. соч., с. 44.

Структура личных имен с суффиксом -дай восходит к глубокой древности, по крайней мере, они прослеживаются еще в летописях XIII в.: Бацгаадай от бацган 'девушка, девочка', Баяндай (топоним и антропоним), Гурбадай от гурбан 'три', Долоодой от долоон 'семь', Наймадай от найман 'восемь', Тавдай от табан, тав(ан) 'пять', Хонгордой от хонгор 'белокурый, светло-желтый, буланый'¹.

Но это отнюдь не означает, что аффикс -дай употребителен с древнейшей поры только в личных именах, - он является одним из излюбленных компонентов при ласковом обращении: басгаадай, хубуудэй, абагаадай и т.д.

Суффикс -дай употребляется также в названиях диких и домашних животных².

Мужские личные имена с суффиксом -та. В структуре мужских личных имен ныне все чаще употребляется суффикс -та (-то, -тэ)³, образуя коррелятивную пару с суффиксом женских имен -маа: Баярта - Баярмаа, Жаргалта - Жаргалмаа, Гэрэлтэ - Гэрэлмаа и т.д.

Посредством суффикса -та (-то, -тэ) образуются мужские имена от основ с отвлеченным значением: Ашагта ср. ашаг 'выгода, польза, доход', ашагта(й) 'выгодный, полезный, доходный', Баярта ср. баяр 'радость, веселье, праздник, торжество', баяртай 'радостный, веселый, жизнерадостный, приветливый, доброжелательный', Гэрэлтэ ср. гэрэл 'свет, луч, зеркало, стекло'.

От существительных с конкретным значением образовано несколько имен с суффиксом -та (-то, -тэ): Номто ср. ном 'книга, перен. грамота, учение', номтой 'имеющий книги, грамотный, образованный', Шухэртэ ср. шухэр уст. 'сахар, изысканные яства'.

Ныне большинство этих имен составляет морфологические дублеты, члены которых отличаются друг от друга только наличием или отсутствием аффиксов: Баяр - Баярта, Буян - Буянта, Бэлиг - Бэлигтэ, Жаргал - Жаргалта, Эрдэм - Эрдэмтэ, Элбэг - Элбэгтэ, Этигэл - Этигэлтэ.

---

¹ См.: С. К о з и н. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.-Л., 1941, с. 26, 175; Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.-Л., 1946-1963, т. 2, с. 160; т. 3, с. 65, 104, 122 и другие.

² См.: У.-д. Ш. Д о н д у к о в. Указ. соч., с. 21.

³ См.: там же, с. 26; И. Д. Б у р а е в, Л. Д. Ш а г д а р о в. О бурятских личных именах, с. 112.

Специфической особенностью личных имен с имеобразующим суффиксом является их позитивная семантика, связанная с пожеланиями счастья, благополучия, положительных качеств.

Суффикс, характерный для мужских имен и являющийся довольно продуктивным в бурятском языке, в монгольском употребляется только в составе отадъективных личных имен и заметной роли в иметворчестве не выполняет. Ср. Баярт, Зоригт, Соелт¹.

В калмыцком языке имена с рассматриваемым суффиксом оказались женскими: Байрта, Кишигтэ (Кишиктя), Олзэтэ (Олзятя)².

Сравнительный материал позволяет сделать вывод, что суффикс -та (-то, -тэ), имеющийся, как показано выше, во всех монгольских языках, как показатель мужских личных имен активизируется преимущественно в бурятском языке. Генетически он представляет собою усеченную разновидность суффикса -тан, от которого у него сохранилось значение признака принадлежности, поэтому он чаще употребляется в атрибутивных категориях³, показывающих, что данный предмет лежит в основе признака другого предмета, а также посессивность того или иного свойства⁴. Материально он отличается от -тан тем, что в нем выпал н, который в монгольских языках в конечной позиции характеризуется, как известно, подвижностью⁵.

В современном бурятском языке суффикс -та является одним из продуктивных, с его помощью от основ имен образуются главным образом относительные, а также качественные прилагательные: ерооһото 'зерновй', от орооһон 'зерно', суута 'прославленный' от суу 'слава'.

Посредством суффикса -та образуются и имена существительные:

---

¹ См.: Ч. Содном. Указ. соч., с. 85, 97, 102, 105, 109.

² См.: Ц.-Д. Номинханов, Б. Д. Муниев. Калмыцкие имена. - "Справочник личных имен народов РСФСР", с. 136-137.

³ См.: Т. А. Бертагаев. Суффикс -тан и его производные в монгольских языках. - "Учен. зап. Калм. НИЯЛИ", вып. 3. Элиста, 1964, с. 100.

⁴ См.: Т. А. Бертагаев. Лексика современных монгольских литературных языков. М., "Наука", 1974, с. 156-157.

⁵ См.: Б. Я. Владимиров. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, с. 350-351; Т. А. Бертагаев. Лексика современных монгольских литературных языков, с. 150.

араата 'лиса; волк', нэрэтэ 'однофамилец'¹.

Мужские личные имена с суффиксом -ха, -шха. Под влиянием русского языка и русских форм имен в конце XIX и начале XX в. активно использовалась структура мужских личных имен с заимствованными оценочными суффиксами -ха, -шха: Борхоон - Борхоошхо, Бумбөөн - Бумбөөшхө, Ангаас - Ангаасха, Ангаадаи - Ангаатха. Зафиксировано также образование небольшого количества женских имен: Ногоон - Ногоошхо, Шарнуу - Шарнуушха.

Понятно, что подобные имена появились в бурятском языке в связи с христианизацией соответственно русским заимствованиям типа Алексашка, Игнашка, Васютка, которые переоформлялись в Илхсаашху, Игнаашху, Бацуутху.

Имена с этими суффиксами имеют эмоционально-оценочный характер. Однако в 20-40-х годах они использовались как нейтральные², и ныне в воспоминаниях пожилых бурят, слабо владеющих русским языком, фигурируют без каких-либо оценочных признаков: "деда звали Малаашха или Тыхээшхэ", "в гостях были у Муутхи".

Нейтральное употребление личных имен с оценочными суффиксами объясняется либо слабым знанием сферы обращения тех или иных моделей антропонимов языка-источника, либо немаркированным использованием оценочных суффиксов в определенной социальной среде.

По наблюдениям О. Д. Митрофановой, специально занимавшейся личными именами с суффиксами "субъективной оценки" в современном русском языке, суффиксы -ка, -шка и другие передают разнообразные эмоционально-стилистические оттенки. При обращении к взрослым формы с суффиксом -ка приосретают оттенок фамильярности, сопровождаемый различными оттенками (грубоватости, шутливости, простоты, особой сердечности). Кроме того, суффиксы -ка, -шка использовались и в социально-уничижительных именах, возникших и развившихся в условиях существования антагонистических классов³.

¹ Подробнее см.: У.-Ж. Ш. Дондук о в. Указ. соч., с. 26, 80-81; Т. А. Бертагаев. Лексика современных монгольских литературных языков, с. 158-159.

² См. также: А. А. Дарбеева. К вопросу о социальной сущности личных имен в монгольских языках, с. 50.

³ См.: О. Д. Митрофанова. Личные собственные имена с суффиксами "субъективной оценки" в современном русском языке. Автореф. канд. дис. М., 1958, с. 4, 12-14.

Употребление уменьшительного суффикса -ка отражало не только классовые, но и межнациональные противоречия: "имена нерусских лиц" сопровождалось обычно суффиксом -ка¹, что подчеркивало их зависимое положение.

Длительное, в течение ряда веков, и повсеместное, в различных социальных кругах, употребление оценочных суффиксов могло в какой-то степени их нейтрализовать, что особенно было заметно в окраинных деревнях и селах, где не так были сильны антагонистические тенденции. Струя нейтрального использования этих суффиксов, возможно, подчеркивалась и генетическими признаками. По наблюдениям М. Я. Морошкина, "суффиксы -ка, -шка, -уха, -оха, -еха, -ех в древности не заключали в себе ничего унижительного или оскорбительного для того лица, к имени которого они прибавлялись"².

Нейтральное использование этих суффиксов послужило основой для образования с их помощью новых имен, поэтому в некоторых семьях появлялись антропонимы - морфологические дублиеты по образцу Михай (от Миколай, Николай), Михуулха (от Николка, Миколка), Муудай, Муутха, Борхоон, Борхоошхо. В свою очередь появлению однокорневых имен в одной семье способствовал обычай употребления имен, характеризующихся общностью корней, либо суффиксов, либо начальных звуков: отец Балта, сын Булат, сыновья Бата-Жаргал, Бата-Мунхэ.

Как известно, оценочный суффикс -ка используется в русском языке и в мужских, и в женских личных именах. Это свойство, возможно, отразилось в монгольских языках: в бурятском суффикс чаще оформлял мужские имена, в калмыцком - женские. Структура калмыцких женских имен Байрха от байр 'радость', Харка от хар 'черный'³ позволяет предположить, что суффикс -ха, -ка восходит к русскому -ка с нейтральным значением.

Мужские личные имена с суффиксом -аан(-оон, -ээн). Посредством уменьшительно-ласкательного суффикса -аан(-оон, -ээн) образованы

---

¹ См.: А. М. С е л и ш е в. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ. - "Избранные труды". М., 1958, с. 4, 12-14.

² М. Я. М о р о ш к и н. О личных именах у русских славян. - "Изв. Археол. о-ва", т. IV, вып. 6. СПб., 1863, с. 127.

³ См.: Г. Ц. П ю р б е е в. Указ. соч., с. 59; М. У. М о н - р а е в. Некоторые вопросы калмыцкой антропонимии. - "Ономастика Поволжья", 2. Горький, 1971, с. 67.

мужские личные имена от основы изобразительных (образных) слов. Формант -аан, состоящий из долгого гласного и конечного согласного -н, употребляется иногда в прозвищах, образованных от тех же основ, и имеет фамильярно-ласкательный оттенок: Нилпаан от нилпагар 'придавленный, приплюснутый', Бүлхээн от бүлхэгэр 'одутловатый, надувшийся, обиженный', Мольоон от мольгор 'одутловатый, сонный'. Такие прозвища до недавнего времени бытовали в детском лексиконе, особенно при шутливо-простоватом обращении старших детей к младшим. Поэтому можно полагать, что формант имеет уменьшительно-ласкательное фамильярное значение.

Мужские имена, восходящие к прозвищам с аффиксом -аан, обнаружены нами в основном в Иркутской области и частично в аймаках Бурятии: Алсаан от алсагар 'раскоряченный', Амхаан от амхагар 'беззубый', амхайха 'быть беззубым или становиться беззубым', Болдоон от болдогор 'шишковатый, сугристый', Болхоон от болхогор 'выпуклый, вздувшийся, припухлый'. Приобретение подобных имен, видно, являлось исключительным правом мужской половины общества. Женщины назывались ими, несмотря на их распространенность, крайне редко.

В монгольском языке с помощью этого суффикса также образованы мужские личные имена: Болдоон, Дэлдээн, Ёрхоон, Овоон, Тунтээн¹ и т.п. Прозвищные имена, квалифицирующие человека по его внешним признакам, составляют монополию мужского именика и в калмыцком языке².

Мужские личные имена с суффиксом -ай(-ой, -эй). В существительных, обозначающих лиц, аффикс -ай употребляется в уменьшительно-ласкательном значении: ахай 'старшая сестрица' от аха 'старший брат', уьгэй 'дедушка' от уьгэн 'старик'³. То же значение сохранилось, на наш взгляд, в антропонимах. С помощью суффикса -ай образовано большое количество старых мужских имен с различной производящей основой: Аамай ср. аамайха 'приоткрывать, раззевать, перен., быть ротозеем', аамагар 'приоткрытый (о беззубом рте), невнимательный, рассеянный'; Амхай ср. амхагар 'беззубый', Алсагай ср. алсагар 'раскоряченный', Болдогай ср. болдогор 'шиш-

¹ См.: Ч. С о д н о м. Указ. соч., с. 50.

² См.: Г. Ц. П ю р б е е в. Указ. соч., с. 63.

³ См.: У.-Ж. Ш. Д о н д у к о в. Указ. соч., с. 19.

коватый, бугристый', Тапхай ср. табхагар 'плоский, низенький, ши-рокий'.

Сочетание аффикса -ай с основой образного слова по структуре совпадает с глаголом повелительного наклонения, но это чисто внешнее сходство, омоформы, где -ай имеет в одном случае имеобразующее значение, в другом - выполняет функцию аффикса глаголов повелительного наклонения.

Мужские имена с аффиксом -ай образованы также от апеллятивов: Борооной ср. бороон 'буран, вьюга, снежная буря' (ольхонский говор), Дараснай ср. дарсан 'фруктовое вино, водка из риса, из проса', Дарасун (курорт в Читинской области), дарасун 'минеральная вода', Табиной ср. табин 'пятьдесят', Неэнэй ср. неэн-унеэн (с утратой начального у в ольхонском говоре) 'корова', Бүсэй ср. монг. бус 'пояс, кушак'.

Эти имена по своей структуре совпадают с существительными родительного падежа с притяжательным значением, возможно, некоторые из них появились именно с такой семантикой, например: Борооной (родившийся во время вьюги), Замай (родившийся в дороге, в пути), Дараснай, Тунхэнэй (родившиеся в Дарасуне, Тунке). Однако родители Неэнэй уверены, что у сына ласкательное имя. Вероятно, при омонимичности форм необходимо рассматривать каждый конкретный вариант с учетом различных условий его проявления.

Имеются единичные случаи, когда подобные имена присваивались и девочкам: Сарюнаи ср. сарюун 'прекрасный, красивый', Ухинэй ср. ухин 'девчушка, девчонка'.

Мужские личные имена с суффиксом -тай. С помощью суффикса -тай от основы числительных образована небольшая группа старых мужских личных имен: Жарантаи от жаран 'шестьдесят', Далантаи от далаан 'семьдесят', Наянтаи от наян 'восемьдесят', Эрэнтэй от ерэн 'девьяносто'.

В отличие от омонимичных прилагательных, образованных с помощью суффикса -тай, неустойчивый н в личных именах не выпадает: Жарантаи - жартай 'шестидесятилетний', Далантаи - далатаи 'семидесятилетний', Наянтаи - наятаи 'восемидесятилетний', Эрэнтэй - ерэтэй 'девьяностолетний'.

Как показатель мужского рода суффикс -тай употребителен с древнейших времен. В "Сборнике летописей" Рашид-ад-дина, персид-

ского историка XIII в., рассказывается следующее: "Существует такой обычай, где всякий человек, происходивший из этого племени (Тутукулт), если он будет мужского пола, называется Тутукултай, а если женского пола, называется Тутукульчин; из племени Алчи-Татар - Алчитай и Алчин; из племени Куин - Куинтай и Куичин: из племени Тэрэит - Тэрэитэй и Тэрэичин"¹.

На основе подобных противопоставлений акад. Б. Я. Владимирцов устанавливает наличие в монгольских языках следов грамматического рода².

Кроме того, суффикс -тай, как и -та, генетически восходит к -тан³ и выражал идею атрибутивности, принадлежности чего-нибудь предмету вообще; не только лицу. Однако в современных монгольских языках этот суффикс выступает уже в ином качестве - как суффикс совместного падежа имен существительных⁴.

Таким образом, в современном бурятском языке суффикс -тай с функциональной точки зрения является и деривационным (словообразовательным), и реляционным (словоизменительным). Исследователь аффиксального словообразования в бурятском языке У.-Ж. Дондуков считает его одним из наиболее употребительных, отличающихся высокой продуктивностью⁵. Однако эта продуктивность не распространяется на образование личных имен бурят, о чем свидетельствует ограниченное количество наших примеров и список бурятских имен "Справочника личных имен народов РСФСР", где не оказалось ни одного онома с этим суффиксом⁶.

---

¹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.-Л., 1946-1963, т. I, с. 103.

² См.: Б. Я. Владимирцов. Следы грамматического рода в монгольских языках, с. 31-34.

³ См.: Т. А. Бертагаев. Суффикс -тан и его производные в монгольских языках, с. 102-104; он же. Лексика современных монгольских литературных языков, с. 154.

⁴ См.: Т. А. Бертагаев. О спорных вопросах грамматики (на материале монгольских языков). - Вопросы составления описательных грамматик. М., Изд-во АН СССР, 1961, с. 98.

⁵ См.: У.-Ж. Ш. Дондуков. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, 1964, с. 81-82.

⁶ Справочник личных имен народов РСФСР, с. 92-109.

Мужские личные имена с суффиксом -лай (-лой, -лэй). Суффикс -лай, встречающийся в старых бурятских антропонимах, ныне относится к непродуктивным, находящимся на пути к омертвлению, к выпадению из системы словообразования. С его помощью образовано небольшое количество мужских имен: Хубуулэй от хубуун 'мальчик, ребенок'; Тогоолой от тогоон 'посуда для приготовления еды', то-гоошо 'повар; хлебосольный, гостеприимный (хозяин)'.

Мужские имена с суффиксом -лай бытовали и в монгольском языке: Мөнхлай от мөнх 'вечный, вековечный; бессмертный', Хубилай от хуби, хувь 'часть, доля; судьба, участь' и другие¹.

Мужские личные имена с суффиксом -аасай (-оосой, -ээсэй). В небольшой группе мужских личных имен выделяется непродуктивный антропонимический суффикс -аасай (-оосой, -ээсэй), с помощью которого некогда создавались прозвищные онома: Ангаасай ср. ангагар 'открытый, раскрытый; разинутый', ангайха 'открывать, раскрывать; разевать', Борбоосой ср. борбогор 'невзрачный, жиденький, редкий', Морхоосой ср. морхогор 'с горбинкой (о носе)', Онгоосой ср. онгогор 'раскрытый, разинутый (о рту)', Шобоосой ср. шобогор 'остроконечный', шобойхо 'вытягивать губы'. Производящей основой большинства подобных антропонимов служат образные слова. Именные слова в роли производящей основы не обнаружены, кроме Модосой ср. модон 'дерево, деревянный', Танхасай ср. танха 'чугунный кувшин; танха гүзээн раздувшийся', Ханхасай ср. хамхагар 'зияющий, вместительный; большой и нескладный (о человеке)', ханха 'прямо', ханха зайдан 'пустой, просторный', ханха харгы 'торная дорога'. В последних выделяется суффикс -сай.

Мужские личные имена с суффиксом -аа (-оо, -ээ). Ч. Содном в монгольских мужских именах выделяет суффикс -аа (-оо, -ээ): Бат-аа, Тэгш-ээ, Энх-ээ, Цог-оо². Этот же суффикс выделяется и в бурятских личных именах, образованных от образных основ: Амшаа ср. амшагар 'беззубый', Ангаа ср. ангаха 'испытывать жажду', Бумбээ ср. бумбэгэр 'круглый, пышный, пухлый', Нэртүгээ ср. нэртүхэ 'оттопыриваться, торчать (об ушах)', Шомоо ср. шомойхо 'вытягивать губы'. В некоторых случаях встречается краткий гласный: Жар-

¹ См.: Ч. С о д н о м. Указ. соч., с. 45.

² См.: т а м ж е, с. 53-54.

бага ср. жарбагар 'вертлявый', Морхо ср. морхогор 'с горбинкой (о носе)', морхойхо 'быть с горбинкой (о носе)'.¹

Имеется и группа имен с неясной внутренней формой: Омбоо, Омпоо и некоторые другие.

У.-М. Ш. Дондуков в числе непродуктивных аффиксов, образующих имена существительные, называет и формант -өө, который "встречается в названиях лиц с ласкательно-почтительным значением: убгөө (тугн. говор) 'дедушка, дедуня' от убгэн 'старик', хугшее 'бабуся, бабушка' от хугшэн 'старуха'".¹

Анализируя структуру личных имен, их отношение к биологическому различию носителей, мы говорили лишь об основах и формантах, поскольку фонетические процессы и словообразовательные компоненты, имеющиеся в составе основы, есть доантропонимические образования.

Анализ рассмотренных основ и формантов "некалендарных" личных имен бурят и сравнение их с монгольскими и калмыцкими позволяет сделать вывод, что производные личные имена монгольских языков в большинстве своем образованы по сходным моделям: от одной и той же производящей основы при помощи разных формантов образовались разные личные имена мужчин, что способствовало увеличению количества онама в языке, например в бурятском: Ангаадай, Ангаан, Ангай, Ангаасай, Ангабай, Ангаасха; иногда суффиксы служат различению мужских и женских имен: Баярхан, Баярмаа и Баярта.

Наличие общих моделей, одинаковых структур мужских и женских личных имен в монгольских языках не говорит об абсолютном совпадении именников. Как пишет В. А. Никонов, именник - это не список имен, а употребительность и частотность их². В монгольских языках наблюдаются существенные расхождения. Структуры с описательными, изобразительными основами больше сохранились в Иркутской области и убывают к Монголии. И, наоборот, имена с пожелательной семантической частью в Бурятии и в Агинском национальном округе, реже встречаются в Иркутской области. В Монголии описанные структуры личных имен незначительны по сравнению с массовым наплывом сложных ан-

---

¹ У.-М. Ш. Дондуков. Указ. соч., с. 25.

² См.: В. А. Никонов. Имя и общество. М., "Наука", 1974, с. 119.

тропонимов, где наиболее распространенным показателем мужских имен выступает компонент хуу 'сын, мальчик', а женских – гуа, гоо 'очень красивый, великолепный'.

Аффиксальное образование мужских и женских личных имен восходит к глубокой древности, о чем свидетельствует одинаковая роль суффиксов, например, –хан в бурятском, монгольском и калмыцком, –дай в бурятском и монгольском и т. д. Думается, и разная роль суффиксов (например, –та в бурятском языке оформляет мужские имена, а в калмыцком – женские) говорит о древности исходной структуры.

О ДЕМИНУТИВАХ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

В бурятском языке формы отдельных слов с уменьшительно-ласкательными аффиксами -хай, -хан могут быть лексикализованы. Чаще всего это встречается в диалектах. В результате образуются имена, обозначающие: а) название предмета, например: тугдэрхэй 'осломок, осколок' от тугдэрхэ 'отламываться, откалываться, отрываться; крошиться, выкрашиваться (о зуоах)'; удархай 'дыра' (нечто разорванное) от ударха 'разрываться, рваться, распускаться (о вязаных вещах); сечься, расползаться'; бутархай 'осколки, обломки, мелочь, крошки' от бутарха 'разбиваться вдребезги, разваливаться, рассыпаться'; зап.-бур., байк.-куд. шаажанхай и шаажанхуй 'оконное стекло' (ср. лит. сонхын шэл - id) от шаажан 'фарфор'; б) название лиц женского пола, например: сел. хүүхэн 'девочка, девушка' (ср. лит. басаган - id) от хүү 'человек'; хор. абагайхан 'тетя' (ср. лит. нагса абгай - id) от абгай 'старшая сестра'; зап.-бур. хүүхэй 'ребенок, малютка' (ср. лит. үхибуун - id) от хүү 'человек', монг. 'сын', калм. 'девочка' и т.д.

Предположение о постепенной лексикализации форм с уменьшительно-ласкательными аффиксами и закрепление их у какой-либо локальной группы бурят представляются вполне реальными. Рассмотрим примеры. Закаменские буряты занозу называют шэртэхэй и шэртэхуй, а хоринские - шэртээн от одного и того же корня шэртэгэр 'торчащий'; западные буряты (эхир., бох.) заразно болезнь оспу, видимо, из религиозных соображений называли найхан от найн 'хороший' (это название так у них и осталось), тогда как хоринские буряты дали ей названия нурөө досл. 'черные следы оспы (как результат болезни)' и сагаан сэсэг досл. 'белый цветок (о болезни оспы в период ее протекания)'; бох., барг. забхан 'дождь, идущий продолжительное время', 'ненастье' от заб 'досуг, свободное время' (ср. хор. бороон - id); эхир. зохолхой 'чесотка' от зохолхо 'чесаться, зудеть' (ср. хор. маажур - id). Нет сомнения, что все рассмотренные выше слова появились не в настоящее время, а гораздо раньше, в период складывания бурятских говоров. По-видимому, образование новых слов посредством лексикализации уменьшительно-ласкательных

форм для бурятского языка такое же древнее явление, как и лексико-семантический и лексико-синтаксический способы словообразования. Следовательно, слова-деминутивы (особенно у прибайкальских бурят) не являются неологизмами или окказиональными словами – они продукт длительного исторического развития.

Сам факт лексикализации деминутивов оценивается нами как положительное явление, способствующее возникновению новых словарных единиц бурятского языка. Одну из причин этой лексикализации мы видим в необходимости детализации однородных предметов и явлений, в необходимости образования новых отглагольных имен.

Лексикализация уменьшительно-ласкательных форм, которые вследствие этого приобретают новое, недеминутивное, значение, происходит в силу частого употребления этих форм в речи. Но не обязательно любая форма с уменьшительно-ласкательным аффиксом должна быть лексикализована. Например, представленные ниже прилагательные с аффиксами -хан, -хай, -отар (-отэр, -стор), -шаг, (-шэг, -шог), -бхи и другими сохраняют свое основное значение с добавлением уменьшительно-ласкательного оттенка: хара 'черный' – харахан (нүдэн) 'черненькие (глаза)'; дулаан 'теплый' – дулаахан (дэгэл) 'тепленькая (шуба)'; хухэ 'синий' – хухэотэр (унгэ) 'синеватый цвет'; үбэштэй 'дурной' – үбэштэйшэг (зантай) 'с дурноватым (характером)', нула 'слабый, бессильный' – нулабхуу (хоолойтой) 'со слабым голосом'. Иногда прилагательные имеют два уменьшительно-ласкательных аффикса. Ср. нулабхихан и нулабхухан 'слабенький'.

Прилагательные, образовавшиеся путем лексикализации деминутивных форм, в дальнейшем могут изменять свою семантику, приобретая либо переносное значение, либо субстантивировавшись. Например, агин. унабхи 'водянистый' и унабхи (ябадал) 'невезучая (ходьба)' или 'неудача, невезение'; хахархай 'расколотый, разбитый, разорванный, рванный' и (самсын) хахархай 'лоскутья (рубашки)'; муу 'плохой' и муухай 'плохой, грязный, поганый, некрасивый, скверный, противный, отвратительный'; найн 'хороший' и найхан 'красивый, прекрасный, прелестный' и другие.

К. М. Черемисов, разбирая уменьшительно-ласкательные суффиксы: неглагольный -хан и глагольный -хада, отмечает, что хотя оба эти суффикса формообразующие, иногда они могут использоваться и в не-

лях словообразования¹, например: депутатска тугхан 'депутатский значок', найн 'хороший' – найхан 'хорошенький, красивый, прекрасный' // найханшаг 'довольно красивый'.

В книжном стиле под влиянием переводов с русского языка активизируется употребление существительных в уменьшительно-ласкательной форме со значением единичного предмета, выделяемого из однородной массы: галхан 'огонек', баабгайхан 'медвежонок', гэрхэн 'домик'².

В бурятских текстах спорадически можно встретить книжные слова с морфемой –тай и суффиксом –хан, образованные для передачи на бурятский язык соответствующих русских понятий, например, галтайханаар 'с огоньком', бухэнтэйхэн морин 'конек-горбунок' и другие.

Э. Р. Рыгдылон отмечает, что согласно точке зрения, принятой в монголистике, "имена с суффиксом –хан (–хэн, –хон), с соответствующим –ган (–гэн, –гон), употреблялись для обозначения женского рода"³. При этом он ссылается на Б. Я. Владимирцова. Например, кэу, хуу 'сын' – хэухэн 'девушка, дочь'; ноян 'князь, господин' – ноянхан 'барышня'; ахай 'старший брат' – ахайхан 'жена старшего брата'; абага, абагай 'старшие по мужской линии' – абагайхан (хор.) 'жена старших' и т.д.

В монгольском и калмыцком языках также встречаются слова, образованные путем лексикализации уменьшительно-ласкательных форм. Например: монг. хэмхэрхий, хэлтэрхий, түүрхий, түгдэрхэй, эвдэрхий, хагархай, хугархай; үлэгдэл, хэйхэрхин, эвдэрхий; калм. хамхрха, кемтркэ 'обломок'; монг. хуухэн, охин, бацган сайхан хуухэн 'девица-красавица'; калм. куукн, гижкгэ куукн, сээхн куукн разг. бичкн куукд 'девица-красавица, девица'; монг. үйрмэг, үр-тэс, үйрдэс, цөвдөл; бяцхан хуу, бяцхан охин; калм. тасрха, уурмг, өдмгин тасрха 'хлебные крошки, крошка'; монг. гуа хун, цэ-

¹ См.: К. М. Черемисов. Заметки по бурят-монгольскому языку. – "Зап. БМ НИИК", ХХП. Улан-Удэ, 1956, с. 99.

² См.: Л. Д. Шагдаров. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1974, с. 257.

³ Э. Р. Рыгдылон. Топонимические этапы. II. – "Зап. БМ НИИК", ХХП. Улан-Удэ, 1956, с. 90.

4. Исследования

вэр хүн, сайхан эр; калм. сээхн залу кун, көрхкн залу кун; йир сээхн 'красавец' (ср. йир сээхн балъен 'город-красавец') и т.д.

Г. И. Рамстедт говорит о деминутивах в монгольских языках, что "именно в этом значении - ограниченности и одновременно уменьшительности - дан следует считать скорее продуктивным аффиксом, чем собственно образующим суффиксом... например: кей 'сын, ребенок', кейкен 'дочь' (мн. ч. кейкет 'ребята', кейкен кей 'девочки'), бур. *хэхеi* 'ребенок', монг. кейкеi, бурят., халх. *хэи* 'ребенок, сын'¹.

Деминутивы, известные во многих, причем разных по своей структуре, языках, играли и играют положительную роль, обогащая, вследствие их способности лексикализироваться, словарный состав языка новыми словами. В бурятском языке даже заимствованное слово может принять аффикс -хай или -хан и таким образом включиться в его лексику на равных правах с исконными словами, например: барбилоо+хой=борбилоохой 'воробей' (варианты: борбиохой, борбеохой, борлеохой, борбилоохон); пулаад+хан=пулаадхан 'платочек'; хубардаа+хан=хубардаахан 'сковородка'; углуу+хан=углуухан 'уголочек'; батиинхэ+хан=батиинхахэн 'ботиночки'; колодко+хон=колодкохон 'колодки (обувные)'; баабхи+хай=баабхай 'бабки'; бидруутай+хан=бидруутайхан (сай) фольк. 'чай в ведре'; гоород+хон=гоородхон 'городок'.

---

¹ Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. М., Изд-во иностр. лит., 1957, с. 186.

О ВЗАИМОСВЯЗИ УЛИГЕРОВ "ГЭСЭР" И "ЕРЭНСЭЙ"

Вопрос об отношении улигера "Гэсэр" к "Ерэнсэю" возник в результате наблюдений над некоторыми общими чертами, внутренне взаимосвязанными: это, в частности, разительное сходство характеров некоторых персонажей, совпадение ситуаций, рождение детей у родителей старческого возраста, знакомство героев улигеров друг с другом. Все это заставляет думать, не являлись ли многие бурятские улигерные произведения когда-то единым произведением?

В период упадка родового строя крупные улигерные произведения начинают разлагаться и циклизироваться. Они образуют впоследствии более мелкие произведения со своими героями, которые когда-то в крупных улигерах играли какую-либо роль в действиях главных героев. Этим мелким эпическим произведениям сказители дают собственные названия, выделяя их героев из общего цикла. И затем они становятся вполне самостоятельными произведениями. Такое предположение основано на сходстве сюжетов, имен героев. Например, в монгольском "Гэсэре" младшего брата Гэсэра зовут Тэгус Цокто, а в "Ерэнсэе" — Согто.

Мы здесь не говорим об общности идейного содержания бурятских улигеров, признаваемой многими фольклористами. В обоих улигерах, кроме общих целей и тенденции, общих мифов о тэнгриях, мы видим одни и те же имена второстепенных действующих лиц, названия местностей, имена врагов-мангадхаев, имеем одинаковые ситуации, совпадающие в деталях.

Приведем некоторые сравнения для иллюстрации.

1. Когда родился Ханхан Согто, его родители проживали в глубокой старости — отцу было 95 лет. И Гэсэр родился от старушки 60 и старика 70 лет. Правда, это рождение является вторичным. Как Ханхан Согто, так и Гэсэр являются ороц хэнзэ — позднепозднорожденными. Ханхан Согто имел сестру, Гэсэр — трех сестер. Родители обоих были нищими, собирали плоды.

2. Гэсэр, как небесный сын, часто обращается за советом к богам. Согто тоже осращается к тем же богам: "Солсони заяанан мо-

рилши" (1691)¹ (Солбоном рожденный ты конь); Хуаа Солбон хубуун даа бэй мэни заяаан Хухуудэй Мэргэн баабаймни, Хултэй хатан ийбиимни! (2764-6) (Хуа Солбон молодец! Меня сотворившие Хухудэй отец, Хултэй хатун мать!); Хухудэй Мэргэн баасайдаа, Хултэй хатан ийбиидээ оролсоно бэлэйлдаа (1770-1771) (К Хухудэй Мэргэн отцу, Хултэй хатан матушке зашел он). Кроме этих тэнгринов упоминаются часто другие общие божества: Заяан Сагаан тэнгри, Эсэгэ Малаан баабай, Хээн Сагаан Хэлгэ, Хэлгэйн Сагаан бурхан, Эхэ Бурэн ийби, шеньинские семь (небесных) кузнецов и ханьинские семь кузнецов.

3. Герой улигера "Гэсэр" хорошо знает героя улигера "Ерэнсэй" – Ханхан Согто. Однажды, встречаясь с силачом Газари Ганиг бүхэ, Гэсэр выдает себя за Ханхан Согто:

Ерэн табан тэнгэрийн	Я родился и рос под крылом
Ебэр дорон үдөөлби.	Семидесяти пяти тэнгриев,
Далан табан тэнгэрийн	Я родился и рос под пером
Дали дорон үдөөлби –	Девяноста пяти тэнгриев.
Ханхан Согто хубуун гээшэб	Я – Ханхан Согто хубун
Ерэн табан наһатай	(Сын) девяностопятилетнего
Ерэнсэй гэжэ үбүүгнэй (1466-72).	Ерэнсэй-старика.

Гэсэр знает, где родился Ханхан Согто, к какому он "племенн" принадлежит, знает также имя его отца. Но в некоторых деталях Гэсэр ошибается. Известно, что Ханхан Согто "родился под крылом семидесяти семи тэнгриев", а не "семидесяти пяти", как призывает Гэсэр. А ведь Гэсэр является сыном Хан Хормуста тэнгрия, родившегося старшим над пятьюдесятью пятью западными тэнгрями. Следовательно, Гэсэр и Ханхан Согто принадлежат к разным тэнгрям, то есть к разным "племенам".

4. С силачом Газари Ганиг бүхэ встречаются в одинаковых ситуациях как Гэсэр, так и Ханхан Согто.

5. Как Гэсэр, так и Ханхан Согто, хорошо знают Нарин Хузун Гулдумея, героя одноименного улигера. Гэсэр, встречаясь с мангадхаем, говорит ему, что в правом его глазу застряла острая стрела Нарин Хузун Гулдумея. мангадхай сознается, что это дело было дав-

¹ Цифры указывают номера строк в улигере.

ным—давно, когда он воевал с Нарин Хузун Гулдмеем и тот стрелял в него (1895—8205). Ханхан Согто хубун тоже, встречаясь с сыном мангадхая, выдает себя за Нарин Хузун Гулдмеея.

Ара гэрээн зуухэнтээ	На востоке отсюда
Туруьэн гаранан хубуулом	Я родился и появился,
Хуудэлэгээгши юймэйндаа	Я родился на той стороне,
Саа биеидан үдөөлби	Где тени мелькают,
Нэмэлээху юймэйлэн	Я родился на этой стороне,
Наада бэйдэн түрөөлби	Где призраки бродят.
Нарин хузуун Гулдумэй	Я родился, прозываясь
Гараа түрөө бэлэйлби (5807—14).	Нарин Хузун Гулдмеем.

Впоследствии Нарин Хузун Гулдмеей приезжает к родителям Ханхан Согто, чтобы сватать их дочь, Агуй Ногоон. Но выдает ее замуж за Гулдмеея ее брат Ханхан Согто, а не родители.

В улигере "Ерэнсэй" Нарин Хузун Гулдмеей является активным и положительным персонажем.

Таким образом, Нарин Хузун Гулдмеея знают как Гэсэр, так и Ханхан Согто.

6. Гэсэр, встречаясь со злой коварной старушкой, выдает себя за Нашин Хуймар Хубуна:

Наран доро түрөөб даа	Я родился под солнцем,
Нашан Хуймар хубуун гээшэб	Прозываюсь Нашин Хуймар Хубуном.
Нүүдэлзэхэ юмэин даа	Я родился на той стороне,
Саа биедэ түрөөл би,	Где тени мелькают,
Нүүмэлзэгшэ юмэин даа	Я родился на этой стороне,
Наада биедэ түрөөб даа (5819—23).	Где призраки бродят.

Ханхан Согто, встречаясь с мангадхаем, тоже выдает себя за Нашин Хуймар Хубуна.

Наран ханай дороло	Я родился под солнцем,
Турулдөөлэ бэлэйлби,	Прозываюсь Нашин Хуймар Хубуном.
Нашин Хуймар хубуун гээшэб	

(5380—3).

Таким образом, и Гэсэр, и Ханхан Согто хорошо знают Нашин Хуймар Хубуна, знают, что последний родился под солнцем.

7. Ханхан Согто, став взрослым, тоже, как и Гэсэр, просит у небесных небожителей одеяние и боевое снаряжение.

Отгоргой минган сагаан бурхан Небесные светлые тысячи бурханы
Овои дээрэм харьта, Сверху за мною смотрите!
Оргой хэнзэ Ханхан Согтош Поздний-хэнзэ Хан Согто
Гулгудуху биизэбдаа! (2746-8) Еще нежен - сосунок.

Солсон зарлик хуоун, сын Заяан тэнгрия, отправил через Хухудэй Маргона Бсеевого чоны, Эсэгэ Малаан саабай дает боевое снаряжение. И Гэсэру даут кня и боевое снаряжение тысячи небесных бурханов, к которым он обращается.

8. Ханхан Согто* является сыном двух отцов. Он родился от Эрэнсэя старика. После его смерти ханхан Согто усыновил Орьел Гогдохан - хозяин лесов. Но впоследствии герой оживил своего отца Эрэнсэя и стал жить вместе с двумя отцами. Он построил два дворца в двух местах. Гэсэр также по существу имеет двух отцов. Он был сначала небесным сыном - сыном Хормусты тэнгрия. На земле он вновь перерождается от 60-летней старушки и 70-летнего старика. Переродившись от земных родителей, все свои деяния он совершает на земле.

9. Когда подъезжает враг, то Гэсэра будит жена, Санхан Гохон, а Ханхан Согто будит его сестра.

10. Наконец, общность идейных мотивов, которая имеется во многих эхирит-булагатских улигерах: борьба с чудовищами и победа над ними.

Нет нужды говорить о таких более мелких деталях, совпадающих во многих улигерах, как причины убийства мангадхаев, пригвождение их к столбу, погоня за врагом, борьба с демоном-мальчиком, закрытым в холодном амбаре, измена жены героя, детали в обрисовке характера героя, подготовка к походу, снаряжение героя, наконец, благополучное семейное счастье. Исследование и сравнение этих моментов дало бы ключ к объяснению общности обоих улигеров.

Не говорит ли в пользу единства происхождения этих двух улигеров совпадение многих деталей в них? Или это случайное совпадение? На наш взгляд, упоминание одних и тех же имен (Нарин Хузун, Ханхан Согто, Гэсэр, Нашин Хуймар) не случайно, а вытекает из единства сюжета, когда-то, может быть, составляющего одну грандиозную эпопею со многими действующими лицами (типа "Одиссеи" и "Илиады"). Чтобы изучить некоторые стороны улигера "Гэсэр", иногда можно привлекать отдельные факты из "Эрэнсэя". Почему мы взяли

дл сравнения "Ерэнсэй", а не другие улигеры? "Ерэнсэй" идейно, композиционно более близок к "Гэсэру".

В данной статье мы лишь ставим проблему большого масштаба – происхождение многих улигеров из единого корня, а затем уже их развитие по линии циклизации – на примере двух улигеров, и решать ее следует с привлечением материалов многих улигерных произведений.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТИБЕТСКИХ
ЗАИМСТВОВАНИЙ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

Каждый язык на протяжении своей многовековой, а иногда многотысячной истории подвергается в той или иной степени иноязычным влияниям, так как народ — носитель языка не находится в полной изоляции от других народов. Между народами существуют в разные периоды различные по характеру и по интенсивности экономические, политические или культурные связи, различные взаимоотношения. Все эти связи оставляют те или иные следы в языке.

Языковой контакт наблюдается в процессе развития общества. Это может быть взаимодействие и взаимопроникновение языков разных племен, народностей или наций — в зависимости от эпохи. И словарный состав каждого языка не ограничивается только своими исконными словами, а имеются и заимствованные слова.

Как известно, изменения словарного состава языка непосредственно связаны с производственной деятельностью человека, с экономическим, социальным, политическим развитием жизни общества. В лексике отражаются все процессы исторического развития общества. С появлением новых предметов, явлений возникают новые понятия, а вместе с ними и слова, называющие их. С отмиранием тех или иных явлений выходят из употребления или меняют свое значение слова, называющие их.

Заимствования, вошедшие в какой-либо язык и подчинившиеся его внутренним законам, не вредят, а, наоборот, обогащают его, усиливают, совершенствуют его выразительные средства, не лишая его национальной самобытности. Заимствования играют большую роль при обновлении словаря. Следует различать устный, бытовой путь заимствований и письменный, литературный. При первом пути внешний вид слов сильно искажается (поскольку слова воспринимаются на слух), звуки, чуждые или неясно расслышанные, подменяются своими. Так возникает народная этимология. При втором пути слова и внешне и по значению ближе к своим оригиналам, но зато они оказываются более чужими в воспринявшем их языке. Следует выделять также за-

имствования, пришедшие через посредство других языков. Круг лексики, заимствованной из какого-либо языка в определенную эпоху, бывает тематически объединен, отражая культурные и экономические взаимоотношения народов. Как отмечает А. В. Калинин, "не всегда можно точно сказать, что слово пришло к нам именно из того языка, особенно если речь идет об очень старых заимствованиях и эти приметы стерлись. Даже если этимология слова совершенно ясна, возможны разные ответы на вопрос: какого происхождения данное слово?"

Прав будет тот, кто скажет, что слово "маляр" пришло из польского языка. Но не ошибется тот, кто отнесет это слово к числу заимствований из немецкого языка. Дело в том, что слово "маляр" вошло в русскую лексику из польского языка, но в польском языке оно появилось под влиянием немецкого "Maler" 'живописец, художник'. Так что ближняя этимология этого слова - польская, дальняя - немецкая"¹.

Так, в современном русском языке, по данным "Словаря иностранных языков", содержится около 40% слов иноязычного происхождения. О. С. Ахманова отмечает: "По свидетельству Ж. Вандриеса, в литературном урду (один из национальных языков Индии) весь словарь персидский, а грамматика индусская, армянские цыгане пользуются не только армянской грамматикой, но и фонетикой, но словарь же у них цыганский"². В английском языке 70% слов романского происхождения, а в лексике корейского языка 75% слов китайского происхождения.

Тибетские заимствования поступали в бурятский язык главным образом в связи с распространением ламаизма в Бурятии в период ХУП в., поэтому большинство тибетизмов относится к области религии и ее атрибутов, а также к связанным с нею отраслям средневековой науки. По свидетельству монгольского ученого Н. Жамбалсуре-на, "значительное количество тибетских слов, имеющих терминологический характер, несомненно, проникло книжным путем, через переводы буддийской литературы с тибетского на монгольский, начиная с XIV века. В устном проникновении тибетизмов большую роль играли

¹ А. В. К а л и н и н. Лексика русского языка. М., Изд-во МГУ, 1971, с. 79.

² О. С. А х м а н о в а. Счерки по общей и русской лексикологии. М., Учпедгиз, 1957, с. 145.

ламаистские монастыри. Самый интенсивный приток устных заимствований относится к XIII, XIX и к началу XX веков¹.

Многие тибетизмы уже вышли из активного употребления и перешли в разряд устаревших слов, став историзмами.

По нашим подсчетам, около 200 слов тибетского происхождения перешло в разряд устаревших, однако некоторая часть их устойчиво сохраняется и продолжает активно употребляться в литературном бурятском языке.

В процессе освоения тибетских заимствований нередко происходит их семантическое переосмысление. Многие слова, имеющие в языке-источнике конкретные значения, в бурятском приобрели более общие значения. Некоторые слова настолько адаптировались, что воспринимаются как исконные слова родного языка. Многие слова пополнили лексику производными образованиями.

Лексический состав тибетских заимствований относится главным образом к знаменательной лексике, что отражает историческую действительность. При статистической оценке тибетизмов выявляются: 1) слова нейтральные, те, которые можно употреблять в любом жанре и стиле речи; 2) слова с четкой стилистической дифференциацией; 3) слова, сохраняющие оттенок книжности.

Как показал материал, многие тибетизмы изменили свое первоначальное значение, хотя некоторые употребляются с исходной семантикой. Многие слова входят в синонимические и омонимические ряды с собственно бурятскими словами. Наблюдается также перенос значения по функции.

Тибетские заимствования, входящие в активный фонд бурятского языка, полностью адаптировались, восприняв морфологические признаки и словообразовательные элементы, присущие бурятскому языку.

Быше мы отмечали, что под лексическим освоением мы имеем в виду освоение слова как единицы лексики (а не фонетики или грамматики). Лексически освоенным слово можно считать тогда, когда оно называет вещь, явление, свойственное действительности, когда в значении его не остается ничего, что указывало бы на его иноязычное происхождение. Насчет освоенности тибетизмов можно сказать, что большинство их лексически освоено. Ни о чем иностранном не

---

¹ Н. Жамбалсүрен. Тибетские слова в монгольском языке. Автореф. канд. дис. М., 1961, с. 5.

напоминают такие слова тибетского происхождения, как бур. багша 'учитель' < тиб. བཀའ་ལྷནི་ ~ баг-ши; бур. замбуулин 'космос, вселенная' < тиб. འཇམ་བུ་གླིང་, дзам-бу-глинг ~ замбулинг; бур. номин 'лазурный' < тиб. ལྷ་མིང་ ~ му-минг; бур. гуулин 'латунь' < тиб. ལུ་གླིང་ ~ гулинг; бур. гүсэ 'чайник' < тиб. ལུ་མེ་མོ་ ~ гу-цхи; бур. шэл 'стекло' < тиб. ཤེལ་ ~ шэл, бур. гурим 'порядок' < тиб. མུ་རིམ་ ~ го-рим и т. д.

Мы не будем останавливаться на тех тибетизмах, которые перешли в пассивный запас словаря бурятского языка. В активном словарном запасе литературного бурятского языка в настоящее время употребляются около 60 тибетских слов. Очень много употребляется тибетских заимствований в языке художественных произведений, особенно в произведениях писателя старшего поколения Х. Намсараева. Немногие тибетские слова употребляются в разговорной повседневной речи бурят. Например, такие тибетизмы, как бур. наһан 'возраст' < тиб. ལོ་མོ་ ~ на-со; бур. самса 'рубаша' < тиб. སུམ་མེ་མོ་ пхьям-чхэ ~ джам-чхэ; бур. хадаг 'шелковое полотенце, подносившееся почетным гостям' < тиб. ཁ་ཐག་མེ་མོ་ кха-стагс ~ кха-таг; бур. лагбан 'чернильница' < тиб. ལ་གླང་མེ་མོ་ снаг-конг ~ аг-гонг; бур. шүлэг 'стих' < тиб. ལྷན་ལྷན་གྱི་གྲུབ་པ་ шло-ка; бур. тамхин 'табак' < тиб. ཐང་མེ་མོ་ тха-ма-кха; бур. табэг 'тарелка' < тиб. ཐང་པ་མེ་མོ་ ~ тха-паг. Многие другие тибетские слова, относящиеся к медицине и ботанике, употребляются как свои исконно бурятские.

В стихотворениях бурятской поэтессы Ц. Дондогой встречаются тибетизмы, вышедшие из активного словаря бурятского языка. Здесь они выступают как образно-эмоциональные слова. Например:

Саралсан дайе алхалһан Дархан абамни,
Сансар тэнгэридэ гарашоод, алуурай зэбсэгээр
Салир анзаһа хэнэ гү гэжэ һаналайб.

Я подумала -
Прошагавший грозную войну, мой дядя Дархан,
Забравшись в небеса,
Кует из меча простую соху железную...

Зуудэндэм ходол үзэгдэжэ ябахань хэбэртэй,
Зундэмни зула мэтээр бадарха шэнжэтэй...

Часто снится мне,
Что оно освещает путь мне
Как светоч, как лампада...

Нангин дэлхэйн санзай шэнги аятайхан...

Приятный как благовония
Священной земли...^I

Употребляющиеся в стихотворении Ц. Д. Дондогой слова тибетского происхождения "материальный мир", "лампада", "воскурение" (ལྷན་སྐྱོན་ རྒྱུན་ལོ། ~ сан-сара ~ срид-па, ལྷ་ལྷ་(ལྷ་ལྷ་) дэво-ла~(мар-мэ), འཕགས་རྒྱལ་ бсанг - рдзас ~ санг-дза), хотя и стали архаизмами, но в основном в поэзии употребительны как образные слова высокого стиля. Так, бурятское слово тибетского происхождения шабганса (тиб. རྒྱལ་མཁའ་ལྷ་མོ་ чхаб-ган-са 'монахиня') употребляется в бурятском языке в значениях 'старуха' и 'жена'. Например: Хэрзэгт муухай зантай шабгансань хоро шараа бусалгаба² (Жена его с строптивым и грубым нравом стала браниться); "Шэнэ ажал" колхозой хониной байдаг газарта Долгор шабганса өөрынгөө байшан гэр соо хоймортоо олон дабхар шэрдэг дээрэ лама янзаар тобхойжо луугаад, хара зандан эрхивэ саана наана шабжагануулан, ум-хум хоероо, орхигдошоһон дутуу маани жомбор-жомбор ушана³ (На отаре колхоза "Шэнэ ажал" на почетном месте в своем доме важно восседала, подобно ламе, старуха Долгор, подостлав под себя многоярусные кошмы, и, ловко орудя своими четками из сандалового дерева, читала молитвы, двигая губами). Слово үлзы хотог < тиб. ལྷན་ལྷ་ལྷ་ днгул - гьи ~ ул-джи 'се-ребряный', 'счастливый' употребляется в бурятском языке как слово высокого стиля. Например: "Хори гээшэмнай ургэн уужам, үлзы хотог оршоһон нутаг юм"⁴ (Хори наш - широкая и благословенная земля).

Некоторые тибетизмы употребляются как лексические омонимы. На-

---

¹ Ц.-Д. Дондогой. Шулэгүүдэй шэнэ номоо. - "Буряад үнэн", 1976, 22 мая.

² Б. Я б ж а н о в. "Хойморой шудхэр". - В сб.: Буряадай уран зохиолшодой расказууд. Улаан-Удэ, 1967, с. 392.

³ Т а м ж е.

⁴ Х. Намсаряев. Собр. соч. в 5-ти томах, т. I. Улан-Удэ, 1958, с. 190.

пример, слово ээд < тиб. རྩའ་ལྔ་ - дзэс~зангс ~ зан 'медь' употребляется как омоним в значении "деньги, гроши". Обычно спрашивают: "Хэды ээдтэйбши? (Сколько у тебя копеек имеется?). Слово дом (заговор) (тиб. འཇམ་ 'дом') в сочетании со словом эм 'лекарство' употребляется в значении 'лекарство'; дом аргашан 'лекарь', дом арга 'народное средство от болезни' и т. д. Слово сан (тиб. མཚན་མཚན་གྱི་མཚན་ - санг-с-занг) 'жесть', например, употребляется в значении 'музыкальные тарелки', сан пеэшэн - 'железная печь' и т. д. Слово табэг < тиб. ཐམ་ཐམ་ тха-паг в бурятском языке употребляется в разных значениях: 'тарелка, блюдо, чашка, подставка', а в сочетании аята табэг обозначает 'вообще посуда', в сочетании табэг баригты выступает как фразеологическое сочетание. Например: "Гал дээрэһээ хара горшоог гаргажа, баһа аята табэг, үйһэн хабисагтай даһна асараад, эдеэлхээр тухеэрнэ"¹ (Сняв черную чугунок с огня и вытащив посуду и соль в берестяной коробке, приготовились кушать); Зай айлшан табэг баригты! Айлшархангуй, гэртээ эдеэлһэндэл адляар абажа эдеэлэгты, - гэнэ² (Ну, дорогой гость, угощайтесь! Не стесняйтесь, пожалуйста, кушайте как дома! - сказал).

Слово шэл < тиб. ཤེལ་ཤེལ་ ~ шэл 'стекло' в бурятском языке приобрело несколько значений. Например, болор шэл 'хрусталь', гал шэл 'луна'. Употребляется и в значении 'очки' и 'бутылка', например: "Цэбэг үбгэн нодэндөө шэлээ хэжэ, Хэшэгтэ хубуундээ хуушан монголоор бэшэг бэшэжэ эхилбэ"³ (Старик Цыбик надел очки и стал писать письмо сыну Хэшэгтэ по-старомонгольски); "Хахад литрын шэл соо хара архи табяатай харуулханаар сэлхыжэ байба"⁴ (Была поставлена водка в пол-литровой бутылке и прозрачно переливался).

Слово аршаан < тиб. འཕྲུལ་འཕྲུལ་ (འཕྲུལ་མཚན་) ~ ар-шанг ~ бнгуд-рци ~ уд-ци 'святая вода' в бурятском языке употребляется в значении 'источник, родниковая вода, минеральная вода; курорт'. Например: "Семеновско частьнууд Дарһанай аршаанһаа баруулжаа хүдэлбэ гэхэн мэдээ абтаба"⁵ (Получили сведения, что семеновские части двинулись в западном направлении от источника Дарасун).

¹ Бурядад уран зохеолшодой расказууд. Улан-Удэ, 1967, с. 100.

² Х. Н а м с а р а е в. Собр. соч., т. 4, с. 40.

³ Т а м ж е, с. 50.

⁴ Т а м ж е, с. 39.

⁵ Ж. Т у м у н о в. Степь прснулась. Улан-Удэ, 1949, с. 237.

Арюун булаг
аршаанууд
Аяга тагшын
амһар дуурэн салгидаад,
ама хамараар
Агтай охеор сорьелно¹.

Родники чистые, прохладные
Чашу наполняют сполна,
Счастливые люди вокруг
Воду живительную пьют.

Арад зондо
аршаан
болохоор
Анхан хэзээ тодорон

Кто же вас первым изведаль,
Прохладные воды аршана?

олдооб²

Словом "аршан" названа также местность и курорт в Тункинском аймаке Бурятской АССР.

Слова гүсэ 'чайник' (тиб. ལྗེ་རྩ ~ гу-цхи), тамхин 'табак' (тиб. ཐ་མ་མ་མ་ тха-ма-кха), сэрэг 'войска' (тиб. རྩ་རྩ цхэ-риг) употребляются в первоначальном значении. В современном бурятском языке очень употребительны такие тибетизмы, как наһан 'возраст', багша 'учитель', замбуулин 'вселенная', шажан 'религия', гурим 'порядок', шэл 'стекло', шулэг 'стих', жаса 'фонд', сэрэг 'войско', түби 'материк', юртэмсэ 'мир', замби 'часть света', шурэ 'коралл' и т. д. Эти слова входят в активный запас словаря и ничем не отличаются от исконных бурятских слов.

В тибетском языке слово сэг (སྔ ~ цхэг) употребляется только в значении 'точка, конец предложения', а в бурятском языке оно приобрело несколько значений. Так, в бурятском языке сэг означает 'запятая', 'олон сэг' 'многоточие', дабхар сэг 'пунктир'; от слова сэг образованы языковедческие термины сэглэтэ 'пунктуация', сэглэлтын тэмдэгүүд 'знаки препинания'.

Бурятское слово адис (тиб. འདི་ས ~ а-ти-са) устремляется в жаргонной лексике. Например, адис табижархиха 'ударить кого-нибудь', адислажархео 'украли что-нибудь'.

Многие тибетизмы дополнили бурятскую лексику производящими об-

¹ Х. Намсараев. Собр. соч., т. 2, с. 235.

² Т а м ж е.

разованиями. Возьмем слово наһан (тиб. ནང་མོ на-со) 'годы, лета, жизнь, век'. От данного тибетизма при помощи аффиксов образуется очень много новых слов. Например: наһажаал 'пожилой', наһажаха 'стареть', наһагуй 'недолговечный', наһалиг 'немолодой, в годах', наһалха 'достигать какого-либо возраста'. Это слово входит в состав ряда словосочетаний и фразеологизмов: залуу наһан 'молодость', хуулиин наһан 'совершеннолетие', сэрэгэй наһан 'призывной возраст', бээ хусээн наһан 'зрелый возраст', ундэр наһан 'преклонный возраст', хургуулиин наһан 'школьный возраст', адир наһан 'юный возраст', наһа бараха 'умирать', наһаа эдинги 'великовозрастный'. Ср. также устаревшие сочетания, связанные с религией: хойто наһан 'будущая жизнь', энэ наһан 'эта жизнь', урда наһан 'предыдущее перерождение', хэтэ наһандаа 'всю свою жизнь', наһата 'чашечка для свечей перед бурханами', наһатайшаг 'в годах'. Слово махабад (тиб. མཉམ་བུ་བླ་མ ма-кха-бад) в языке-источнике имеет конкретное значение - 'материальная субстанция', а в бурятском языке приобрело более общее значение - 'организм, здоровье'.

Поэт В. Петонов в стихотворении "Жэгүүртэ баяр" употребляет тибетизм гороо ~ гороолхо (тиб. རྩ་མཚོ ~ го-рва) 'делать круг', ставший историзмом. Например:

Зублэлтэ ороной	Это скачет и мчится на лихом коне
жэгүүртэ баатар	Богатырь Родины вокруг планеты.
Зулай юртэмсэ гороолон	
табилуулна ¹ .	

В данном случае слово гороолон употребляется как синоним слова тойрон.

В стихотворении поэта Л. Тапхаева "Партидаа" употребляется тибетизм найжа (тиб. གནམ་པོ་པོ ~ гнас-сбын-па ~ най-жин-па) 'лама-опекун' как слово высокого стиля:

Нарата дэлхэй дээрэ	
турээн үдэрнөөм,	
Найжа болон партимни	В родном краю цветущем,
анхараал ² .	Заботой партии согрета.

¹ Буряад ороной баглаа сэгсгүүд. Сб. стихов. Улаан-Удэ, 1961, с. 57.

² Там же, с. 37.

При помощи аффиксов -л, -да от тибетизмов образуются также глагольные основы. Например, зэд ~ зэдлэхэ 'покрывать медью', байбан ~ байбандаха 'покрывать купоросом', гуулин ~ гуулиндаха 'покрывать латунью'¹.

Известное количество тибетских слов входит в синонимические и омонимические ряды с собственно бурятскими словами. Например, ьурагша и шаби 'ученик', ьурагша и багша 'учитель', ёно и гурим 'обычай, порядок', сабуу и ласа 'клей', мушэн и одон 'звезда'. Некоторые слова, входя в разряд стилистически приподнятой лексики, употребляются преимущественно в художественных произведениях, в поэзии. Например, номин, замбуулин, зэндэмэни, үлзы и т.д. Есть слова низкого стиля. Семантические сдвиги произошли и в словах золиг (тиб. ཇོ་ལོག་ ཇོ-лег) и ороолон (тиб. འོ་ལོང་ ~ ро-ланг). В буквальном смысле они означают 'выкуп духам' и 'упырь'. Но в бурятском языке они модифицировались и означают бранное слово "черт, дьявол": бур. бузар золиг 'черт паршивый', ямар золиг хун бэ? 'чертвец', ороолон данаа 'упырь', хара золиг 'черт черный', тэрэ ороолоншоош гараа ёнотой 'этот оборотень виноват!' и т.д.

Некоторые слова сохраняют оттенок книжности. Например: боти 'том', шулег 'стих', бар 'печатание', гаршаг 'глава, оглавление', ьудар 'книжка, ксилограф', дэбтэр 'реестр, тетрадь' и т.д.

Некоторые слова изменяют первоначальное значение. Например, слово жаса в тибетском означало 'хозяйство монастыря', а в бурятском языке употребляется в значении 'фонд, собрание'. Например, ниитын жаса 'общественный фонд', алтан жаса 'золотой фонд' и т.д. Слово сум в тибетском языке буквально означает цифру "три" (тиб. མཉམ་མཉམ་ ~ гсум-сум), а в бурятском языке употребляется в значении 'полностью, целиком'. Например, түсэбөө сум дүүргэхэ байха, сум тодорбо и т.д.

В произведениях Х. Намсараева употребляется особенно много тибетизмов. Рассмотрим их по отдельным произведениям. Возьмем, например, стихотворение "Эдэбхи":

Буряд-монгол уласай

В рубашках разноцветных

---

¹ У. ... Ш. Д о н д у к о в. Аффиксальное словообразование части речи в бурятском языке. Улан-Удэ, 1964, с. 62.

Хэблэд барай газарта
Сэгээн хүхэ самсатай,
Эдир залуу наятай
Зэргэ жагсаан хүбүүд,
Үзэгэй сагаан толгойе
Мэргэн гоёор барлаба¹.

Молодые веселые ребята,
В типографии республиканской
Печатают и набирают книги,
рисунки...

Здесь слово бар (тиб. བཟུག་ ~ нар) в сочетании барай газар обозначает 'типография', слово наян входит в сочетание эдир залуу наятай, означающее 'молодой, молодость', тибетизмы бар, зоог при помощи аффикса -л образуют глагольные основы: зооглобо 'отведали', барлаба 'напечатали'.

Тибетские заимствования шаби, лама при помощи суффикса -нар образуют множественное число. Например:

Ламанар тухай хөөрэхэдэ,   Когда говоришь о ламах,
Шабинартаа шангардаг   То они злятся на своих учеников,
Шарбин бууза зооглодог...²   Обжираясь жирными позами ...

Тибетизм багша употребляется в значении 'учитель, наставник' и выступает как слово высокого стиля, например:

Баатар ехэ алдартай,   По заветам великого Ленина
Багша Лениней нургаалтай, -   живем,
Манай парти хүндэтэй...³   'У нашей партии слава
богатырская...

Слово одон (тиб. འདོན་མཚོ་ ~ од-донг) в сочетании одон эрдэни означает 'рубин, рубиновый камень', например:

Улаан шулуун мавзолей   Путеводной звездой
Одон эрдэнеэр гэрэлтэнэл...⁴   Светишь, ты, нам -
Гранитный мавзолей Ильича.

Это слово в сочетании улаан одон означает 'красная звезда', например:

¹ Х. Намсараев. Собр. соч., т. 2, с. 22.

² Там же, с. 25.

³ Там же, с. 33.

⁴ Там же, с. 44.

5. Исследования

Октябриин хорин тасанда Двадцать пятого октября
Улаахан одоор гэрэлтэнхэй...¹ Светится рубиновой звездой...

Писатель Х. Намсараев употребляет тибетизм шэл 'стекло' как образное слово:

Шэл мэтэ У Уды, слестящей как стекло,
Сэгээн хүхэ Построились в шеренгу реблта...
Үргэн дуулим
Үдэ голои эрьедэ
Шиираг хүбүүд жагсаба...²

иногда писатель употребляет аффикс -нууд вместо -нар для образования множественного числа от слова шаби, например:

Тэндэ шини шабинууд Там твои ученики
Советске ороние зохохол, Построят страну Советов
Социалис жаргал жаргуулхал!³ Счастья народу добудут...

Тибетизм зэндэмэни (тиб. རྩམ་མཁོན་མཁོན་མཁོན་ ~ чхин-та-ма-ни) выступает как слово высокого стиля:

Амраг халуун арадай Горячим народным счастьем:
жаргалаар, наполненным,
Энхэ тунгалаг эрхэ Великой свободой,
сулөөгөөр драгоценным камнем светится...
Эрдэни зэндэмэнеэр
намаалан
оайнал⁴.

Тибетизм одон употребляется и в переносном значении, например:

Социалис оронойм Светится утренней звездой
Солбоон одон Советским маршал Ворошилов,
Соведэй маршал Ворошилов, Светится золотой звездой
Алтан одон Народным маршал Луденни...⁵
Арадай маршал Луденни...⁵

¹ Х. Намсараев. Соор. соч., т. 2, с. 50.

² Там же, с. 58.

³ Там же, с. 72.

⁴ Там же, с. 113.

⁵ Там же, с. 113.

Тибетизм шолмос (ཚལ་མོ་སྐྱོད་ ~ чхол-мо-са) употребляется как слово низкого стиля, бранное слово:

Шолмос (фашист нохосууд) На штыках поднимаем
Шоро жадаар шорлуулнал...¹ Фашистских псов и гадов...

Тибетизм зула (тиб. ལྗང་ལཱ་ ~ дзво-ла) в повести "Цыремпил" употребляется как образное слово: "Идарал зоболонгой дундаанаа зула шэнгээр бадаржа гараан эдир байхан Цыремпил гэдэг бэлэй"² (Это был прекрасный Цыремпил, выросши, как солнышко ясное, из мрака горя и печали). Слово самса в данном произведении употребляется в различных сочетаниях, например, даалин самса 'рубашка из далембы', дотор самса 'нижняя рубашка', гадар самса 'верхняя рубашка', торгон самса 'шелковая рубашка', шэршүү самса 'чесучовая рубашка' и т.д. Например: "Байза худадаа хүхэ торгон самса, хурьгэндөө хүхэ шэршүү самса, үмэдхүүлхэ байнам, - гээд Галша гансаараа дуугарна"³ (Итак, для свата у меня есть шелковая рубашка, для зятя - синяя чесучовая рубашка - проговорил про себя Галши); "Ямаахан хүгшэн нэгэ хуушан хүхэ даалин самсын ороор дабхарлажа, зүйжэ, бээлэй оено"⁴ (Старуха Ямахан шьет рукавицы из остатков изношенной рубашки из далембы, складывая в два слоя).

Тибетизм золиг в рассказе "Тахуунай" употребляется как бранное слово низкого стиля: "Угн, ши яажа байгаа золиг бэ? Би шамнаа нугөөдөнх яаан бэ гэжэ асуужа байнам? - гэнэ лама. - Ай, хара золиг, нэгнень эдикэрхийн байбалтайш! - гэнэ"⁵ (Что же, это ты мелешь, паршивец? Я же спрашиваю, где другое? - говорит лама. - Небось, съел его, негодный!).

В заключение можно сказать, что тибетизмы бурятского языка в лексико-семантическом отношении освоены полностью. За счет тибетских заимствований бурятский язык обогатился новыми понятиями, новыми средствами, словообразовательными конструкциями.

¹ Х. Намсараев. Соор. соч., т. II, с. 130.

² Там же, т. I, с. 215.

³ Там же, с. 255.

⁴ Там же, с. 216.

⁵ Там же, с. 130.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО БУРЯТСКИМ ДИАЛЕКТАМ

Лингвистический анализ архивных рукописных материалов, использование их в диалектологических исследованиях практикуются языковедами довольно часто. В основном они привлекались в работах по исторической диалектологии. Между тем эти рукописные материалы, зафиксированные в разное время и всегда локальные, с успехом могут быть использованы для установления современных изоглоссных границ, классификации говоров и т.д.

В этом отношении рукописный фонд из собрания Ц. Жамцарано, хранящийся в Архиве востоковедов ЛО ИВ АН СССР, представляет собой большую ценность. Здесь содержатся данные по эхирит-булагатскому, хоринскому, аларскому говорам, целый том занимают записи фольклорных, этнографических и других материалов по говору олонских хамниган. Кроме того, в этой коллекции имеется уникальный материал по языкам Внутренней Монголии.

Приведем перечень из записей эхирит-булагатского говора. Фонд 62, оп. I, ед. хр. № I - коллекции Ц. Жамцарано 1903 г. Том насчитывает 453 листа и имеет следующее содержание:

1. Пословицы эхирит-булагатов. Всего 32 пословицы на 3 страницах с пометой: "Иркутская губерния Верхотенского уезда - буряты эхириты и булагаты (Куда, Хогот, Еланцы, Ольхон)" (стр. 6).

2. Благопожелания, записанные 17 августа 1903 г. в с. Алагуе от рапсодов Бутушки Бурлаева и Ангата Хунгуреева. Всего 44 пожелания на 6 страницах.

3. Загадки, записанные от дикторов С. Александрова (Худанца), Ахарова (Ольхон), Партаса Пилеева (Хара Хужир). Всего 129 загадок на 13 страницах.

4. Заян - слова новоявленному оожеству заян. Всего два текста и небольшое объяснение к некоторым выражениям. Русский перевод В. А. Михайлова. Записано в Ольхоне 7 августа 1903 г. у Хулхана Далбанова. (Написано небрежно, много разнобоя в транскрипции. Материал, видимо, не обработан самим автором).

5. Шоно Батор - бурятское предание ХVII-XVIII вв. в прозе. Текст в начале дается в записи старосты Зотоевского рода П. Хабукта-

нова, затем - в транскрипции Ц. Жамцарано.

6. Эхирит-булагатские песни, записанные в с. Алагуе у Петхова Нохуева, Мангилмая и 17-летнего Соержона Токтуева (Хара Хужир), у Борсоя Барандаева и старика Ахарова (Кутул-Ольхон), в Хоготе 15 августа 1903 г. у Александра (Номогоевский улус).

9. Героическая поэма "Город и свеча" - объем 15 стр. Записано от Забина Заяханова, шоноевского рода, 62 лет, в с. Улан-Бургасун Еланцинской управы. Ц. Жамцарано сопровождает эту запись со следующим примечанием: "Диктор сам слышал это у одного кудинского бурята".

10. Алтан Сөгсөл хубун Долотои Долдои Ногон дүхеи хојор (онтхо или *улигер*) - героическая поэма, подлинный текст в стихах, связываемый русским пересказом. Сообщил Забин Заяханов (шаман заянов), 80 лет (противоречие с предыдущим пунктом, где этот же сказитель указан 62-летним); улус Улан Бургаса бывшей Ольхонской думы, летом 1903 г.

11. Арбан таба наһатаи Айдурai мэргэн хубун Агу Ногон дүхеи хојор. (Издано. См.: Образцы народной словесности монгольских народов, вып. II, т. I. Пг., 1914, с. 159-214).

12. Аламж мэргэн хубун. (См.: Образцы... т. I, с. I-158). В конце текста имеется пометка Ц. Жамцарано: "Записано с 18 авг. по 20 авг., 2 ночи и 2 дня напролет".

13. Хан Богдур хан Ха Ошир хубун. - с 446 по 463 стр. Пропел бурят Петр Михаханов 2-го ашебагатского рода у А. М. Михайлова 21 июля 1903 г. Куда. Записано лишь начало.

Перечисленные выше улигеры (пункты 9-13) записаны в скорописи, в них не всегда соблюдается выработанная транскрипция, но определенные закономерности проявления звуков вполне уловимы. Надо учесть, что некоторые из них переданы мелодекламацией, поэтому в полной мере не отвечают требованиям диалектологической записи.

Фонд 62, оп. I, ед. хр. № 2. В этой богатой коллекции Ц. Жамцарано за 1904 г. по эхирит-булагатскому говору имеется всего лишь несколько кударинских песен, и то записанные в Чесане бывшего Хоринского района от Михаила Гаврилова, 25 лет.

Фонд 62, оп. I, ед. хр. № 4 - материалы 1906 г. В этом номере даны 4 улигера, два из них эхирит-булагатские. Это "Бук хара хубун", записанные от Маншута Эмигеева в улусе Бозой в ноябре

1906 г., и "Болот хара хубун", записанный от Заганайн Шобхона, 60 лет, 31 августа 1906 г. Точное место записи не указано, имеется приписка: "Кудинцы Иркутс. губ."

Фонд 62, оп. I, ед. хр. № 5 – материалы 1906 г. Этот том в основном заполнен рассказами Хара Намгана (Аларь). Эхиритские материалы имеются в начале и кое-что в середине тома. Это краткие улигеры, записанные от Лазаря Бардаханова (2-й харнутский род), от Маншута Эмигеева, Минтраева и других. В частности от М. Эмигеева записана сказка "Далан худал" ("Семьдесят несбылиц").

Места, где произведены записи эхиритских материалов, имеют общую пометку "Бозой-Балтай", а за фамилией сказителя Утхала Бардаханова читаем: "30 лет, улус Бозо, 2 сент. 1906 г. рассказываю "Хојор сәсэн".

Улигеры данного тома – это обработанные Ц. Жамцарано материалы, черновики которых хранятся под № 8-13. Эти черновые записи, произведенные в полевых условиях, для нас, диалектологов, представляют большую ценность. При предварительном сличении двух вариантов выяснилось, что расхождений между ними почти нет.

Фонд 62, оп. I, ед. хр. № I (1903 г.) содержит следующие материалы по хоринскому гсвору:

1) хоринские песни записаны у Сырымпила Аюшеева, зун-хоацайского рода Анинской думы со следующей пометой собирателя: "Песни *Шилдэ Занди* сообщил Сырымпилов, который был казнен на границе за то, что, не желая расстаться с сородичами (хори-бурятами), перекочевал со своими людьми в Забайкалье из пределов Монголии. Это было после С. Рагузинского";

2) агинские песни (с 70 по II4 стр.) списаны с рукописи покойного тогда учителя Агинского ведомства Цыбика Онгодоева.

Фонд 62, оп. I, ед. хр. № 3 (1905 г.). С 325 по 481 стр. излагается улигер "Бурхан теңгрің зајаһаң Болод хурај хубуң", а с 485 по 499 стр. дается краткое изложение содержания этого улигера на русском языке, сделанное самим Ц. Жамцарано. Этот улигер записан от Бадмы Цыбикова, 65 лет, рода галзут, в местечке Шара уян в 30 верстах от Верхнеудинска, недалеко от станций Золотухина и Онохой в 1905 г.

Здесь же приводятся тексты песен, записанные от казаков – бурят, вернувшихся из японского плена: Сэдэба Жамбалова, Доржи Сам-

данова, Чандана Гармаева (Ага), Янданова (Лулык, пос. Курчелонский) и Асидуева (Тамчинский).

Фонд 62, оп. 1, ед. хр. № 11 - материалы 1908 г., состоят из трех улигеров, записанных в Аге:

1) Мэнжэлтэ мэргэн (от Базара Галданова, 63 лет, Хара Шибирь, Ага, 1908 г.);

2) Хэжэдээр мэргэн (тоже от Базара Галданова, Хара Шибирь, 11 октября 1908 г.);

3) Эрээлдэй эзэн богдо мэргэн хаан (от Вадма-Цэрэн Дашибалова, 42 лет, рода харгана, из местности Иргэнэ (Чита, 11-15 июня 1908 г.).

Фонд 62, оп. 1, ед. хр. № 12. Помещены 4 улигера, записанные в Хори в 1909 г.:

1) Хубилгаагаар үдэнэн Ухаанта Улаан моритой Лодой мэргэн (1-153 стр.);

2) Алтан Ширээтэ хаан (30 стр.);

3) Абарал тогдол хаан (6 стр.);

4) Хурултэр мэргэн (18 стр.).

В этом же томе имеются, кроме перечисленных выше улигеров, материалы по шаманству хори-бурят, несколько сказок и песен. Не дается никаких сведений о сказителях, единственная помета: "записаны в хори в 1909 г."

Фонд 62, оп. 1, ед. хр. № 16. 5 улигеров, записанные от агинского рэнсода Базара Галданова в 1909 г.:

1) Хаан хашигта мэргэн;

2) долоолин лугаа басаган;

3) Саазуунай уугтэн;

4) Наамуунай хаан;

5) Шибжэлтэ мэргэн.

Фонд 62, оп. 1, ед. хр. № 17. Материалы представляют большую ценность для диалектологических исследований. Они целиком состоят из загадок: 241 загадка - хорибурятские, 76 загадок - хилокских хори-бурят. Написано разборчиво с соблюдением особенностей транскрипции. Всего 66 листов.

В записях загадок, пословиц, поговорок или другой диалогической и монологической речи соблюдено до мельчайших особенностей диалектное своеобразие языка. Поэтому при диалектологических ис-

следованиях мы не должны обходить указанный выше материал, целиком состоящий из таких текстов.

Фонд 62, оп. I, ед. хр. № 19. Этот том целиком состоит из этнографических и лингвистических записей, сделанных у ононских хамниган (Ц. Жамцарано называет их тунгусами) летом 1911 г. Это очень ценный материал по языку и этногенезу ононских хамниган. Занимает 378 страниц убористого почерка. О месте записи имеется лишь одна помета наверху: "Ульхунский дацан".

Большое место в коллекции Ц. Жамцарано занимают материалы по аларскому говору. Фонд 62, оп. I, ед. хр. № 3. Состоит из шести песен унгинских бурят в исполнении Никиты Егорова (точное место записи не указывается, см. стр. 244).

Отдельно приводятся аларские песни, записанные от Пихаханова недалеко от ст. Кутулик (точное название села тоже не указано). Здесь приводится "историческая песня времен гр. Саввы Рагузинского", песня бурятки, выданной замуж против своей воли за калым, и другие.

В этом же томе находим шаманские тексты, записанные в Алари 3-4 сентября 1905 г. от шамана Васьки Хамбуева и Гавриила Пянкина. Эти записи произведены на отдельных листочках, которые приклеены (видимо, позже) к цельным страницам архивного тома. На 142-м листе приводятся шесть уролов (урол), а под заголовком рукой автора подписано "Аларские буряты, хонгодорцы".

Фонд 62, оп. I, ед. хр. № 4. Даны четыре крупных улигера, два из них записаны в 1906 г. у знаменитого сказителя, тогда 62-летнего, Харитона Николаевича Терентьева, который был известен под псевдонимом Хара Намган (букв. Черная баба).

Первый улигер "Алтан шагаг хубуң (319-430 стр.) записан 18-20 декабря 1906 г. от Хара Намгана, улус Кундулун в 12 верстах от ст. Черемхово.

Второй улигер "Јондоң хаң" (431-498 стр., то есть до конца тома). Самим Ц. Жамцарано дана следующая помета: "2 дек. 1906 г. Кундулун у Хара Намган". Внизу дается дополнительная приписка: "Сообщил Хара Намган, номинально православный, а на деле буддист. Сказка не чисто бурятская. Переведено на чернила в декабре 1907 года" и стоит подпись Жамцарано.

Фонд 62, оп. I, ед. хр. № 5. С 813 по 852-ю страницу идут за-

писи трех басен (жабаган улигер) в рассказе Хара Һамгана: 1) Төөрхөн хубүүн; 2) Үбэгэ Һамган хојори тэсхэ-бисхэ хубүүн; 3) Уран, далай хэлүүтэй ужи Һамган. А на страницах 992-994 - "Материалы по шаманству" (Хара Һамган).

Фонд 62, оп. I, ед. хр. № 17 - том загадок, содержащий 35 аларскиҫ загадок.

Фонд 62, оп. I, ед. хр. № 18. Том состоит из "Материалов путешествия по Восточной и Южной Монголии в 1909 и 1910 гг.". Об этих материалах современники Ц. Жамцарано писали, что "эти единственные в своем роде материалы по художественному фольклору и диалектологии (подчеркнуто нами. - И.Б.) внутренних монголов представляют огромную научную ценность". Информационный отчет об этой поездке был опубликован в "Известиях Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии", серия II, № 2. СПб., 1913.

Полный перечень лингвистических материалов составлен Вл. Котвичем и подписан 27 мая 1911 г. Для большей наглядности приведем здесь весь список, исполненный рукой Вл. Котвича. Его предваряет следующий заголовок: "Опись лингвистическим материалам, собранным Ц. Жамцарано во время поездки по Восточной и Южной Монголии, совершенной с декабря 1909 г. по октябрь 1910 г."

А. Чахары

Первая тетрадь - 7 номеров: 1) диалог, 2) диалог, 3) рассказ, 4) дзангад баатар, 5) двүүн тувииг эдзэлэгчи дурбу настаі арејату номуун хааң, 6) дулинкаі баатар, 7) далантаі үбгэн.

Вторая тетрадь - 50 (16 + 34) номеров: песни.

Третья тетрадь - 1 номер: шаманский призыв (баргутский).

Четвертая тетрадь - 170 (153 + 17) номеров: загадки.

Пятая тетрадь - пословицы, словарный материал, этнографические и другие мелкие заметки.

Б. Халха

Шестая тетрадь - 14 номеров: 12 загадок, 2 рассказа.

В. Ордос

Седьмая тетрадь - 20 номеров: песни.

Восьмая тетрадь - 148 номеров: загадки.

Девятая тетрадь - словарный материал и мелкие заметки.

Г. Кешихтен

десятая тетрадь - 30 номеров: дзууң түвiг эдiмен дзунтэ мэр-
гэн хааң и 29 загадок.

Д. Халха-дурхан-бэйлэ (Улан-цабского сейма)

Одиннадцатая тетрадь - 2 номера: сказки.

Е. Сунит

Двенадцатая тетрадь - 23 номера: детская сказка, 6 песен,
16 (3 + 13) загадок.

Ж. Абага

Тринадцатая тетрадь - 4 номера: поэмы (улигеры) 1) Шиллэн гал-
зуу баатар; 2) Жамаанай магтаал; 3) Ерин сайн хатангуй ехэ улаа-
дай дуутэй; 4) Хэрээтэй хааң.

Четырнадцатая тетрадь - 13 номеров: песни.

Пятнадцатая тетрадь - 21 загадка, 2 басни, пословицы и изре-
чения.

З. Удзумчин

Шестнадцатая тетрадь - 7 номеров: 6 загадок, 1 песня.

И. Барга

Семнадцатая тетрадь - 29 номеров: песни.

Восемнадцатая тетрадь - 93 номера: 1 пословица, 90 загадок,
2 рассказа.

К. Горлос

Девятнадцатая тетрадь - 4 номера: загадки.

Л. Брак у монгольских племен

Двадцатая тетрадь - материалы, касающиеся брака у чахар, ор-
доснев, уратов, сунитов, горлосов, удзумчинов и баргутов.

В архиве АН СССР (фонд 21, оп. 5, № 143) хранятся, кроме того, сравнительные словари языков народов Сибири, в частности бурят-
ского, составленные членом Российской академии Миллером Герардом-
Фридрихом (Федор Иванович). Эти сравнительные словари приложены к
"Описанию Сибирского путешествия Миллера". Материал небольшой: в

общей сложности около 300 бурятских слов, но очень ценны. Во-первых, эти слова записаны очень давно, в начале ХУШ в., во-вторых, записаны крупным специалистом своего дела и транскрипционно точно. Поэтому для сравнительного анализа фонетических явлений бурятских говоров словарь Г.-Ф. Миллера оказывается крайне необходимым.

В различных архивах имеются и другие текстовые материалы, но они с точки зрения фонетики не представляют особого интереса и в работах по диалектологии, как правило, не привлекаются.

МЕЛОДИКА ВОПРОСО-ОТВЕТНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

В работах по синтаксису бурятского языка нередко встречаются различного рода высказывания об особенностях его ритмико-интонационной структуры. Однако ограничиваются они, как правило, лишь замечаниями о своеобразии и оригинальности просодических явлений без конкретных определений самой сущности интонационного строя бурятского языка. Это объяснялось, во-первых, сложностью самого исследуемого материала и, во-вторых, все эти сведения основывались на слуховых впечатлениях и субъективных заключениях самих авторов. Получение точных объективных данных по ритмомелодической структуре языков стало возможным с развитием экспериментально-фонетического метода в языкознании, основывающегося на использовании современной электроакустической и радиотехнической аппаратуры. Экспериментальное же исследование просодических явлений бурятского языка началось с момента создания специальных фонетических лабораторий в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР в г. Новосибирске и Институте общественных наук БФ СО АН СССР в г. Улан-Удэ. Первые исследования были связаны с изучением ритмико-интонационных особенностей различных типов простых предложений бурятского языка.

Предварительные данные показали необходимость более детального исследования вопросо-ответных конструкций бурятских предложений с постепенно увеличивающимся составом слов. В данной статье разбираются особенности мелодического оформления вопроса и ответа от неполных предложений, состоящих из одного слова, до распространенных предложений, состоящих из пяти и шести знаменательных слов. Подвергнуты анализу 6 серий предложений, распространенных по одинаковой схеме. Причем для большей наглядности и сопоставимости мелодического компонента, количественных показателей и интенсивности исследуемого материала примеры подобраны, по возможности с одинаковыми или близкими по тембру гласными звуками. Вопросительные предложения приводятся в одном общем варианте, а ответные приводятся в положительном и отрицательном вариантах. Из-

мерение частоты основного тона (ч.о.т.) производится по гласным звукам, как это принято в подобного рода работах по другим языкам. Графически по оси ординат располагается движение основного тона в герцах и нотах, а по оси абсцисс в линейном масштабе — время звучания в миллисекундах.

I. Анализ экспериментального материала начинается с неполных предложений, состоящих из одной предикативной единицы: Оробо гу? 'Шел ли?'; Дуулана гу? 'Поют ли?'; Буудаба гу? 'Стрелял ли?'; Эрэбэ гу? 'Пришел ли?'; Ошобо гу? 'Помел ли?'; Оробо 'Шел'; Дуулана 'Поют'; Буудаба 'Стрелял'; Эрэбэ 'Пришел'; Ошобо 'Помел'; Оробогуй 'Не шел'; Дууланагуй 'Не поют'; Буудабагуй 'Не стрелял'; Эрэбэгуй 'Не пришел'; Ошобогуй 'Не помел'.

Для неполных вопросительных предложений характерны общее восходящее движение тона на сказуемом и нисходящее движение тона на вопросительной частице гу. Максимум мелодемы в вопросительных и ответных трех- и четырехсложных предложениях реализуется, как правило, на третьем слоге. Интервал ч.о.т. между слогами в сказуемом составляет секундно-терциевое повышение. Третьему интервалу свойственно преимущественно кварто-квинтовое понижение. Общий интервал повышения тона равен в основном чистой квинте, а начало звучания по высоте своей совпадает с нотой с. В ответных предложениях, как и в вопросительных, движение тона восходящее, но интервалы движения тона и его частотные показатели являются разными. Общий интервал повышения реализуется в малой терции. Абсолютное начало звучания в положительном варианте находится в пределах нот *Ais* и *H*, в отрицательном — в пределах нот *H* и *c*. Одной из характерных особенностей исследуемых структур является то, что конец звучания в значимой части как в вопросительном, так и в ответном предложении по тону выше абсолютного начала.

Мелодическая кривая включает в себя ряд компонентов, из которых только часть связана с самим интонационным рисунком предложения. Данные, полученные в результате анализа отношений между слогами в словах, слогами в предложениях, различных по составу и с разными коммуникативными установками, свидетельствуют о том, что по частотному признаку дистинктивная значимость принадлежит последнему слогу, который отличается от других слогов высотой тона. Если выделение того или иного слога в слове связано с изменением

тона в нем, то целесообразно определять мелодику предложения по ч.о.т. последних слогов и синтагм.

2. Предложения, состоящие из двух знаменательных слов, где подлежащие выражены двусложными и трехсложными существительными: Багша ерэбэ гу? 'Учитель пришел?'; Багша ерэбэ 'Учитель пришел'; Шубууд дуулана гу? 'Птицы поют?'; Шубууд дуулана 'Птицы поют'; Бороо оробо гу? 'Дождь шел?'; Бороо оробо 'Дождь шел'; Аба буудаба гу? 'Отец выстрелил?'; Аба буудаба 'Отец выстрелил'; Эгэшэ ошобо гу? 'Сестра поехала?'; Эгэшэ ошобо 'Сестра поехала'; Багша ерэбэгүй 'Учитель не пришел'; Шубууд дууланагүй 'Птицы не поют'; Бороо оробогүй 'Отец не выстрелил'; Эгэшэ ошобогүй 'Сестра не поехала'.

В вопросительных предложениях наблюдается восходящее движение тона. Для этой синтаксической структуры характерно квинто-секстовое повышение тона от начала звучания до последнего слога в сказуемом. Последние слоги внутри каждого из слов оформлены восходящим тоном. Интервал повышения между слогами в первом слове равен кварте, а во втором слове этот интервал составляет всего секундно-терциевое повышение. Внутри слогов в большинстве случаев наблюдается последовательное повышение ч.о.т. Мелодическая вершина находится на последнем слоге второго слова и достаточно высока — в пределах нот *fis* и *gis*. В ответных предложениях характерно общее нисходящее движение ч.о.т. Здесь обнаруживается определенная закономерность: при общем нисходящем движении тона выявляется, что как в конце слова, так и предложения тон всегда выше, чем в начале. Интервалы изменения ч.о.т. в ответных предложениях показывают, что в отрицательном варианте типичен интервал терция, а в утвердительном ответе интервал повышения меньше — варьирует между малой и большой терцией. Во втором трехсложном слове, то есть в сказуемом двусоставных предложений как в утвердительном, так и в отрицательном ответе характерно ровное движение тона на первых двух слогах. Средний слог иногда по тону может быть ниже первого и третьего слогов. Интервал между последним слогом в подлежащем и первым слогом в сказуемом всегда отрицательный и реализуется в пределах большой секунды и малой терции. Поскольку акустическая характеристика мелодики предложений наиболее четко проявляется главным образом на значимых словах, а вопросительная частица гу

всегда дает нисходящее движение тона в предложениях любого объема (интервал равен кварте-квинте), то в последующих определениях характера движения основного тона предложениями вопросительная частица не включается.

С увеличением объема предложений появляется возможность членения его на синтагмы, под которой понимается группа слов (или одно слово), представляющее единое смысловое целое для данного контекста и для данной ситуации, возникающее в процессе речи-мысли и фонетически оформленное¹.

3. Предложения, состоящие из трех знаменательных слов с группой подлежащего (определение, определяемое слово) и сказуемого: Дууша шубууд дуулана гу? 'Певчие птицы поют?'; Дууша шубууд дуулана 'Певчие птицы поют'; Дууша шубууд дууланугуй 'Певчие птицы не поют'; Залуу багша ерэбэ гу? 'Молодой учитель пришел?'; Залуу багша ерэбэ 'Молодой учитель пришел'; Залуу багша ерэбэгуи 'Молодой учитель не пришел'; Хугшэн аба буудаба гу? 'Дедушка выстрелил?'; Хугшэн аба буудаба 'Дедушка выстрелил'; Хугшэн аба буудабагуи 'Дедушка не выстрелил'; Аадар бороо оробо гу? 'Ливень шел?'; Аадар бороо оробо 'Ливень шел'; Аадар бороо оробогуи 'Ливень не шел'.

Как известно, синтагматическое членение может быть обязательным и факультативным. Здесь речь идет о факультативном членении, поскольку эти предложения являются синтаксически простыми с небольшой степенью распространенности, где границу между синтагмами показывает только перемена интонации, которая производит впечатление паузы.

В движении тона в вопросительных предложениях этой группы наблюдается тенденция к образованию двухвершинности. Определения с определяемыми словами выделяются в отдельную синтагму, где определение по тону выше определяемого слова. Мелодический рисунок характеризуется восходяще-нисходяще-восходящим движением основного тона. Правда, возможен и другой вариант, когда движение тона в первой синтагме может быть ровным. Вершина мелодемы вопросительных предложений реализуется в основном в верхнем регистре,

¹ См.: Л. В. Шарова. Фонетика французского языка. М., Изд-во иностр. лит., 1957, с. 86.

достигая ноты *dis*. Следует подчеркнуть, что начало звучания в этих предложениях достигает более высокой частоты, локализуясь на второй трети среднего регистра. В движении тона между слогами повторяется такая же закономерность, что и в ранее рассмотренных предложениях, то есть конечные слоги по тону выше предшествующих. Большим интервалом — терциевым повышением характеризуется определение, а в определяемом слове и в сказуемом отмечается преимущественно секундное повышение или монотонность. Интервал между конечными слогами в определениях и первыми слогами в подлежащих и соответственно в сказуемом является отрицательным, варьирует где-то между малой и большой секундой. Ответные предложения этой группы и двусоставные предложения оформлены мелодически однотипно. Здесь, как и в двусоставных ответных предложениях, имеет место абсолютно нисходящее движение. Нисходящее движение тона локализуется исключительно на последних слогах слов, причем наиболее низким по тону является последний слог в сказуемом. Отрицательные ответы характеризуются, как правило, более широким частотным диапазоном по сравнению с утвердительным ответом. При сопоставлении тона между слогами обнаруживается следующая закономерность: мелодический интервал между слогами каждого последующего слова на ступень ниже предшествующего. Так, интервал в первом слове варьирует между терцией и квартой, во втором — между секундой и терцией, в третьем отмечаются монотонность и секундное повышение. Тон, повышаясь на конечном слоге, а затем падая на первый слог последующего слова, создает цепь последовательных подъемов и понижений, образуя волнообразное движение, постепенно идущее на убыль. Общий интервал понижения происходит в пределах большой терции и кварты. Как свидетельствуют полученные данные, конец звучания в основном выше начала, но для этой синтаксической единицы возможно нисходящее движение тона до уровня начала звучания. Особенно часто подчеркивается релевантность для характеристики интонационной единицы ее конца. Н. С. Трубецкой объясняет это тем, что только в конце, точнее в последнем слове перед паузой, возникает необходимость сигнализировать о том, завершено предложение или нет¹.

---

¹ См.: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., Изд-во иностр. лит., 1960, с. 199.

4. Дальнейшее расширение контекста предложений производится путем добавления обстоятельств и дополнений, уточняющих основную мысль предложений и имеющих тенденцию к выделению в отдельную синтагму. Анализируемые предложения состоят из четырех знаменательных слов:

Дууша шубууд дуу дуулана гү? 'Певчие птицы песню поют?'

Дууша шубууд дуу дуулана 'Певчие птицы песню поют.'

Дууша шубууд дуу дууланагүй 'Певчие птицы песню не поют'.

Залуу багша эртэ ерэбэ гү? 'Молодой учитель рано пришел?'

Залуу багша эртэ ерэбэ 'Молодой учитель рано пришел'.

Залуу багша эртэ ерэбэгүй 'Молодой учитель рано не пришел'.

Хүгшэн аба баабгай буудаба гү? 'Дедушка в медведя выстрелил?'

Хүгшэн аба баабгай буудаба 'Дедушка в медведя выстрелил'.

Хүгшэн аба баабгай буудабагүй 'Дедушка в медведя не выстрелил'.

Удэшөөр аадар бороо оробо гү? 'Вечером ливень шел?'

Удэшөөр аадар бороо оробо 'Вечером ливень шел'.

Удэшөөр аадар бороо оробогүй 'Вечером ливень не шел'.

Анализ показал, что увеличение состава предложений не безразлично для их мелодического оформления, а что касается грамматического порядка слов, то он почти не отражается на мелодической структуре предложения. Для выяснения последнего вопроса в порядке эксперимента на первое место было вынесено обстоятельство.

В вопросе-ответных предложениях, состоящих из четырех слов, по частоте основного тона выделяются начало и конец предложения. Интервал изменения тона в вопросительном предложении между первыми выделенными слогами реализуется в отрицательной малой секунде и между последними выделенными слогами — в положительной малой секунде. В нотном обозначении ч.о.т. представляет следующую картину:

f - e - fis - fis - g; f - e - fis; g - fis - y, g - g - g̃.

Мелодический рисунок носит восходяще-нисходяще-восходящий характер, причем максимальной частотой основного тона характеризуется в большинстве случаев последний слог в сказуемом, достигая ноты *g*. Как видно из нотных данных, последние слоги первого и последнего слов по тону могут быть и на одном уровне. Некоторое понижение тона внутри вопросительных предложений свидетельствует о его синтагматическом членении. Как указывалось в ранее рассмотренных

6. Исследования

синтаксических структурах, интервал между последним слогом предыдущего слова и первым слогом последующего слова отрицательный и распределяется в вопросительном предложении следующим образом: интервал I - секундно-терциевый, интервал II - секундный, в некоторых случаях отмечается монотонность, интервал III - преимущественно большая секунда. Как показали полученные данные, оформление мелодической кривой находится в некоторой зависимости от распространенности предложения. В ответных предложениях максимум ч.о.т. характеризуется последний слог первого слова, реализуясь в пределах нот *e* и *fis*, минимумом ч.о.т. - последнее слово, которое находится в пределах нот *c* и *d*. Мелодеме ответных предложений свойственно постепенное понижение тона на последних слогах. Выделенные слоги в ответных предложениях в нотном изображении выглядят следующим образом: $\overline{f - \bar{e} - d - cis}$, $\overline{fis - \bar{e} - d - c}$; $\overline{f - \bar{e} - \bar{e} - c}$; $\overline{fis - \bar{fis} - \bar{fis} - \underline{d}}$; $\overline{\bar{e} - \bar{dis} - \bar{a} - c}$; $\overline{dis - \bar{dis} - \bar{dis} - c^1}$.

Движение тона между слогами преимущественно повторяет ту же закономерность, что и в ранее рассмотренных структурах. Интервал повышения между слогами в первом слове вопросительного и ответного предложений самый высокий и равен большей частью кварте, а завершающее слово, то есть сказуемое, характеризуется значительно меньшим интервалом. На первых слогах в сказуемом констатируется часто монотонность. Наряду с этим обнаруживается нисходящее движение тона между слогами в отличие от предыдущих синтаксических структур. Сопоставление тональных характеристик вопросительных и соответствующих им ответных предложений показывает, что частотный диапазон в вопросительных предложениях, как правило, выше, чем в ответных.

5. Более распространенные предложения, которые не типичны для устной речи, по своим интонационным особенностям больше соответствуют нормам чтения, а не нормам разговорной речи. В разговорной речи, которая предполагает ситуацию живого общения, интонационно маркируется особый смысловой центр. При чтении же, когда отсутствует живая ситуация, наблюдается расчлененность предложения на

¹ Квадратные скобки над нотами объединяют определяемое слово и определение.

синтагмы и многовершинность, поскольку все слова в их составе коммуникативно значимы.

Для вопросительной мелодической структуры многосинтагменных предложений, состоящих из пяти слов, характерно восходяще-нисходяще-восходящее движение основного тона. По этой синтаксической структуре подвергнуты анализу следующие предложения:

Дууша шубууд үглөөгүүр дуу дуулана гү? 'Певчие птицы утрами песню поют?'; Дууша шубууд үглөөгүүр дуу дуулана 'Певчие птицы утрами песню поют'; Дууша шубууд үглөөгүүр дуу дууланагуй 'Певчие птицы утрами песню не поют'; Залуу багша гэртээ эртэ ерэбэ гү? 'Молодой учитель домой рано пришел?'; Залуу багша гэртээ эртэ ерэбэ 'Молодой учитель домой рано пришел'; Залуу багша гэртээ эртэ ерэбэгуй 'Молодой учитель домой рано не пришел'; Хүгшэн аба хара баабгай буудаба гү? 'Дедушка в бурого медведя выстрелил?'; Хүгшэн аба хара баабгай буудаба 'Дедушка в бурого медведя выстрелил'; Хүгшэн аба хара баабгай буудабагуй 'Дедушка в бурого медведя не выстрелил'; Үдэшөөр аадар бороо зурууд зуруудаар оробо гү? 'Вечером ливень полосами шел?'; Үдэшөөр аадар бороо зурууд зуруудаар оробо 'Вечером ливень полосами шел'; Үдэшөөр аадар бороо зурууд зуруудаар оробогуй 'Вечером ливень полосами не шел'.

Тональный уровень каждой последующей синтагмы на ступень ниже уровня предшествующей синтагмы (интервал понижения равен малой секунде как между определяемым и определяющим словами, так и между выделенными слогами в синтагмах) или отмечается ровный тон в препозитивных и срединных синтагмах. А в последней, иногда в предпоследней, синтагме тон повышается и локализуется в основном в верхнем регистре. Типичными интервалами повышения являются малая и большая секунды. Внутри срединной синтагмы, если она состоит из двух слов, движение тона может быть восходящим на втором слове с интервалом повышения, равным малой секунде. Иногда отмечается монотонность. Начало и вершина мелодемы распространенных предложений характеризуется более высокой ч.о.т. по сравнению с нераспространенными и малораспространенными предложениями. Первое слово, а именно последний слог в этом слове, выделяется по частоте, но не достигает вершины маркированного слога в сказуемом. Движение тона в маркированных слогах в нотном изображении выглядит следующим образом:

$e - \overline{dis - dis - dis - dis} - \bar{e}; \overline{g - fis - g - fis - gis};$
 $\overline{fis - f - f - \bar{e} - f - fis}; \overline{g - fis - fis - fis - g}; \overline{g - f - fis - fis - g};$
 $\overline{fis - f - \bar{e} - f - g}; \overline{fis - fis - \bar{e} - \bar{e} - fis}; \overline{g - g - fis - g - gis}.$

Полученные данные свидетельствуют о наличии тенденции к выделению первого и последнего слов, как самостоятельных единиц в структуре предложения. Движение тона в ответных предложениях аналогично направлению движения тона в предыдущей синтаксической структуре. Общее движение тона остается понижающимся. Максимальное понижение локализовано в конце предложения. Между определяемым и определяющим словами типичен интервал чистая прима. Последний интервал между выделенными слогами варьирует от отрицательной малой терции до отрицательной большой терции. Срединные синтагмы характеризуются монотонностью или понижением тона на малую секунду. Для отрицательного варианта ответных предложений в основном характерна приведенная выше мелодема. Но иногда в них при общем нисходящем движении тона, распространяющемся и на отрицательную частицу гуй, встречается повышение на малую секунду между определяемым и определяющим словами в препозитивном и срединном положении.

Анализ приведенных выше предложений показывает, что с расширением состава предложения изменяется частотный диапазон. Для минимума ч.о.т., локализованного в последнем, завершающем слове предложения, характерен уровень, совпадающий с началом звучания или чуть ниже его. Однако встречается наиболее типичный для ранее рассмотренных видов предложений нисходящий терминальный тон, где последний слог по ч.о.т. выше начала звучания как в предложении, так и в самом слове. В движении тона между слогами четко выделяется ритмичное повторение увеличения ч.о.т. на последнем слоге каждого слова. Более высоким интервалом между слогами отмечается первое слово как в вопросительном, так и в ответном предложениях любого объема и варьируется между терцией и квартой. Движение тона между слогами в сказуемом ответных распространенных предложений может показывать либо восходящее движение тона с интервалом повышения, равным малой секунде, либо нисходящее с таким же интервалом, либо ровный тон, а, наконец, в трехсложном сказуемом средний слог по тону может быть ниже первого и последнего слогов.

Изменение ч.о.т. на последних слогах слов связано с общим вос-

ходящим, восходяще-нисходяще-восходящим движением основного тона в вопросительных предложениях и нисходящим движением основного тона в ответных предложениях, разных по составу. В ответных предложениях интервалы между гласными в слогах в начале предложений имеют более отчетливое выражение, а к концу предложения мелодическая кривая как бы сглаживается.

Таким образом, вопросо-ответные предложения бурятского языка характеризуются последовательным повышением и понижением тона, который, чередуясь с монотонностью, придает бурятской речи своеобразное ритмичное звучание.

СТАТИСТИКО-КОМБИНАТОРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАРАДИГМ
СОЧЕТАЮЩИХСЯ СОГЛАСНЫХ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема сочетаемости согласных в бурятском языке прежде всего имеет общелингвистическое и практическое значение для экспериментального исследования. Для ее решения впервые в бурятском языкознании была использована ЭВМ. Предполагается, что данное исследование будет частью общего статистического изучения текстовых и словарных особенностей бурятского языка с помощью ЭВМ.

Подсчет сочетаний букв велся по словарю (условно $\mathcal{V}$), составленному на основе "Буряад бэшэгэй дурим ба словарь"¹ и "Бурятско-русского словаря"². Очевидно, что существует разница между подсчетами по словарю и по текстам (в дальнейшем, вероятно, исследования будут связаны и с подсчетами по тексту).

Для исследования брались слова только бурятского происхождения, а также русизмы, проникшие в бурятский язык задолго до революции и пишущиеся по правилам бурятской орфографии. В словах типа "аабар-аабар" в общий словарь бралась лишь одна часть слова - аабар, в словах с частицей сказуемого гэхэ бралась только первая часть, поэтому некоторые из этих слов кончатся на сочетания согласных (тэрд гэхэ, бурд гэхэ, бурд байса, хэрд гэхэ и др.), в словах же типа "абар-табар" брались обе части, но каждая заносилась в словарь отдельно: абар в часть на а; "табар" - на т.

Кодировка (в восьмеричной системе исчисления) и перфорация словаря производилась вручную ввиду отсутствия читающих устройств у ЭВМ. Вероятно, более экономным было бы кодирование и ввод информации в машину двухбуквенными и трехбуквенными сочетаниями. Это также уменьшило бы процент ошибок, которые неизбежны при руч-

---

¹ Буряад бэшэгэй дурим ба словарь. Улаан-Удэ, 1962.

² К. М. Черемисов. Бурятско-русский словарь. М., "Советская энциклопедия", 1973.

ной кодировке и перфорации¹. Перфорация шла сплошным текстом, слова отделялись друг от друга пробелом. Пробел считается за букву: так, если буква г была закодирована как 04, л - 15, то пробел был закодирован как 00. Для того, чтобы выделить и подсчитать сочетания согласных букв, были выписаны и отперфорированы все эти возможные сочетания (условно словарь u), для проверки включая и сочетания типа цф, вероятность появления которых в бурятском языке равна 0, так как эти буквы не встречаются в собственно бурятских словах.

Принцип работы программы, составленной программистом лаборатории вычислительной техники и математики Т. Пурбуевой, сводится к тому, что происходит сравнение каждого сочетания из словаря u со всеми подряд двухбуквенными сочетаниями большого словаря v. Например, нам нужно узнать, сколько раз в словаре v встречается сочетание гн. Берется весь словарь v и с самого начала (со слов аа, ааб, аабг, аабааха ...) осуществляется проверка: гн-аа, гн-а00, гн-00а, гн-аа, гн-аб, гн-000, гн-00а, гн-аа, гн-аб, гн-ба, гн-аг, гн-г00 и т.д. (знаком = здесь обозначается логическая операция сравнения). Как только такое равенство выполнится, то есть в словаре v встретится сочетание гн (гн=гн, например, в слове тагнагар), для данного сочетания появляется единица. Таким образом, словарь v пропускается 441 раз в соответствии с количеством сочетаний согласных в словаре u. Каждый раз, как только будут установлены наличие и количественный состав какого-либо сочетания и проверка на данное сочетание подходит к концу словаря v, происходит переход к проверке следующего сочетания и начинается очередная проверка с самого начала словаря v. Из таких простых операций складывалась работа машины. Подобная работа вручную отняла бы более полугодом, а ЭВМ проделала ее за 29 часов, включая отладку программы.

Общее количество сочетаний согласных букв 35 088.

Как и следовало ожидать, эксперимент показал, что в бурятском

---

¹ Чем больше массив текста, тем больше ошибок, поэтому на ЭВМ обрабатывался не весь массив сразу, а его части (сотня перфокарт). Результат выводился общий для всего массива и для каждой части отдельно.

языке не встречаются сочетания, в состав которых входили бы буквы в, к, ц, ч, ф, щ. Таким образом, только 15 согласных букв образуют различные по количественной характеристике сочетания.

Ввиду того, что сочетания согласных в данном языке встречаются только внутри слов, а слова эти не отличаются большой длиной, число сочетаний в слове не превышает трех, причем таких слов немного: унжалдангир 'вязкий', хэлмэршэлхэ 'устно переводить', утзаржархиха 'дернуть' и другие.

Многие из редких (по количественному составу) сочетаний встречаются только в междометиях (уппэ, ёххо-ахха, ым, ишшүү, эшшүү, арр, жэрр и др.), причем в основном эти сочетания с удвоенными согласными.

Наиболее способной к сочетаемости является буква л - 14 636 сочетаний, реже всех в обеих позициях (первая или вторая буква сочетания) встречается п - 60. Остальные буквы распределяются в следующем порядке: х - 10 601, г - 10 194, р - 8662, д - 5899, н - 4425, ш - 3222, б - 2914, т - 2896, м - 2246, с - 1768, ж - 1267, з - 968, н - 422.

Как видно из таблицы¹, в препозиции чаще всех встречаются сонанты (27 690), слабые и сильные согласные встречаются значительно реже (соответственно 6903 и 498). В постпозиции, наоборот, сонанты встречаются меньше (2279), чем слабые (14 763) и сильные (18 049) согласные.

Таким образом, эксперимент показал, что норма сочетаемости согласных фонем подчиняется следующим закономерностям:

I. Наименее способными к сочетаемости в препозиции являются сильные согласные фонемы [p], [s], [t], [ʃ], [x] (498 сочетаний), которые, будучи сильноконечными, образуют обычно начало слога и требуют после себя гласный звук. Однако есть исключения, причем выяснено, что их 498 сочетаний с сильными согласными в препозиции, в 436 случаях за сильными идут сильные же фонемы [p], [t], [x], [ʃ].

---

¹ В дальнейшем изложении и в таблице дается фонемное представление сочетаний, что обуславливается близостью буквенного представления звуков к фонемному.

Сочетаемость согласных в бурятском языке

Постпо- зиция	Препозиция														Всего		
	О	Г	Д	Ж	З	Л	М	Н	П	Р	С	Т	Х	Һ		Ш	
О	4	36	1			390	224	2		546	1					1204	
Г	59	71	19	2	29	3359	178	1346		1238	30					6331	
Д	123	1253	2		1	1710	162	702		652						4605	
Ж	105	127	1			397	299	147		188						1264	
З	1	71				636		84		146						938	
Л	81	604	69			87	21	18		483	13					1376	
М			2			209				287	1			1	5	505	
Н		159	7			1	116	3		91	4				3	384	
П						6	28			1	23	1				59	
Р	6	1								2		3				12	
С	95	245				589	90	932		265						1516	
Т	279	466	44			866	160	456		548	48		1		25	2893	
Х	440	29	1094			4573	252	677		3175	154		2		202	10598	
Һ	95	5				79	80	21		140						420	
Ш	426	828	20			357	131	353		864				4		2983	
Всего	1710	3863	1294	3	30	13259	1741	4041		1	8648	252	3	3	1	239	35088

В группе сочетаний сильный комплекс [s x] выделяется как самый многочисленный (202). Он встречается в разнообразных по морфемному составу словах: хашха (хашха хуугай) 'крик', шашха (шашха улаан) 'пунцовый', хошхоног 'прямая кишка', бушхаха 'поднимать кверху', хүшхэрхэ 'осиливать', лушхаха 'сочиться'.

Сочетание [s x] (154) возможно на стыке морфем: тусхай 'особый', түгэсхэхэ 'заканчивать', баясаха 'радовать' и т.д., а также внутри основ: босхи 'неуклюжий', пасхагар 'студенный', эсхэлгэ 'кройка' и другие.

[st] (48) наблюдается в корне слов: ластии 'название мишени при стрельбе из лука', астаганаха 'двигаться, широко расставив ноги', үстэр (в западном говоре) 'вчера' и другие, а также в некоторых словах на стыке морфем: например, основы и суффикса имени прилагательного -тай (-той, -тэй): абьястай 'имеющий склонность к чему-либо', зохистой 'годный, благоприятный' и другие.

Остальные сочетания ([pp], [sp], [xt], [x x], [s s]) представляют собой единичные случаи, это либо междометия үппэ, ахха-ёххо, ишшуу и другие, либо диалектные или устаревшие слова.

Что касается сочетаний, где слабые фонемы и сонанты находятся после сильных фонем, то это относительно редкое явление (по 31 сочетанию в первом и втором случаях). Необходимо отметить, что 30 примеров из 31 в сочетании сильный + слабый приходится на сочетание [sg], которое, как и многие сочетания с [g] в постпозиции, образовалось в результате прибавления к основе суффикса отрицания -гүй, например: алгасгүй 'непреренно', эсэсгүй 'бесконечный'. Сочетание [sg] также встречается в словах пиисгалдай, шиисгалдай 'птичка', борбоосгой 'шишка', хүхэсгэй 'трясогузка', нюусгалдай (нюусгалдай нюугаа) 'как в воду канул', эхэсгэй 'повзрослевший'.

Сочетание же слабых согласных с сонантами встречается в единичных случаях, в основном в словах устаревших, диалектных, разговорных или заимствованных. Исключение составляет сочетание [sɛ] (13), которое образуется на стыке основы, оканчивающейся на [s], и глагольного суффикса -ла (-ло, -лэ): адислаха 'благословлять', эсэслэхэ 'кончать', хоолослохо 'колоситься', хослохо 'сговариваться'.

2. В группе со слабыми согласными в препозиции [b], [g], [d],

[ž], [z], [h] (690I) основную массу составляют сочетания с сильными согласными (3966), почти все они образованы на стыках морфем.

[dx] (1094) получается при образовании побудительных глаголов с помощью суффикса -ха от глагольных основ с конечным согласным 'д': тудхалха 'направлять', аалидхаха 'замедлять', богонидохо 'делать короче', нэгэдхэхэ 'объединиться'; кроме того [dx] встречается на стыке корня и суффикса имени прилагательного (уменьшительно-ласкательного) -хан (-хон, -хэн): зохидхон 'хорошенький', түйдхэн (от түйд 'помеха').

[gš] (828) входит в состав суффикса имени существительного -гшан (-гшон, -гшэн), -гша (-гшо, -гшэ): алагшан 'пеструха', борогшон 'серая кобыла'; встречается на стыке основы с глагольным суффиксом -ша: жэгшэхэ 'пугаться', лугшаха 'биться'; на стыке с адъективными суффиксами -шаг (-шог, -шэг) и -ша (-шо, -шэ): пагшаг 'темноватый', тэнэгшэг 'глуповатый'; на стыке с суффиксом -шан, образующим имена существительные: тутшан 'знаменосец'; кроме того, сочетание [gš] может быть в основе слова багша 'учитель', богшорго 'воробей'.

[gt] (466) встречается в основном в именах прилагательных: аагтай 'крепкий', егтэй 'странный', түбэгтэй 'хлопотный', образованных присоединением суффикса -тай (-той, -тэй), а также в глаголах: адагтаха 'занимать последнее место', хэжэгтэхэ 'болеть гриппом', зогтохо 'стоять навтыжку'.

[bx] (440) в основном встречается в корнях слов: абхай 'девушка', лабхайха 'иметь широкое основание', хубыхэ 'разбухать'. Кроме того, [bx] входит в состав глагольного суффикса -охи (-охил): зуубхилха 'кусать', норобхихо 'посасывать', и непродуктивного суффикса имени прилагательного -охи: будэохи 'неотчетливый?', уяаохи 'водянистый'.

[bš] (426) входит в состав суффикса имени существительного -бша (-бшо, -бшэ): бугаабша 'браслет', хурабша 'наперсток', хоолобшо 'ожерелье'; а также встречается на стыке основы с суффиксом -шан (-шон, -шэн), образующим имя существительное: хэбшэн 'формовщик', и на стыке с глагольным суффиксом -ша: зубшаха 'идти вдоль чего-либо', хэбшэхэ 'приобретать определенную форму'.

[bt] (279) встречается в суффиксах имени существительного

-отар: үрэбтэр 'рашпиль', имени прилагательного -отар: айхабтар 'страшный', тонобтор 'маслянистый', залуубтар 'моложавый'; образуется на стыках корня и суффикса имени прилагательного -тай (-той, -тэй): түсэбтэй 'плановый', лабтай 'точный'; корня и глагольного суффикса -та: абтаха 'быть взятым', хэбтэхэ 'ложиться', дэбтэхэ 'пропитываться'; кроме того, данное сочетание встречается и в корне слов: хаотага 'крылья', набтар 'низкий'.

[gs] (245) встречается в корнях слов: агсаа 'обмен', түгсуул 'пень', и на стыке основы с глагольным суффиксом -са: зогсохо 'стоять, торчать'.

[bs] (95) встречается только в корне слов: тэбсэг 'выступ', зэбсэг 'орудие', хэбсэг 'скарредный', табсаан 'низенький столик'.

[dt] (44) встречается в глаголах, образованных с помощью суффикса -та: аладтаха 'проходить мимо чего-либо', алгадтаха 'перескакивать дальше', зудтаха 'быть гололедице'; в именах прилагательных, образованных посредством суффикса -тай (-той, -тэй): туйдтэй 'препятствующий', зохидтой 'подходящий'; в наречиях, образованных от имен существительных: ябуудтаа 'по пути', и от числительных: нэжээдтэ 'по разу'.

[gx] (29) почти всегда встречается на стыке корня и уменьшительно-ласкательного суффикса прилагательного и существительного -хан (-хон, -хэн): тугхан 'олажок, сэсэгхэн 'цветочек', инагхан 'миленький'; пожалуй, единственным исключением является междометие ёогхо 'эх!'.

[ds] (20), как и сочетание [gs], встречается в глаголах, образованных с помощью суффикса -ша: ородшолхо 'переводить на русский язык', уридшалха 'делать что-либо вперед'; а также внутри основы, например: жоодшо 'лама', или в словах с утвердительной частицей -шье: хэдшье 'кто бы то ни был'.

Группа сочетаний со слабыми согласными в постпозиции менее многочисленна (2004). Особенностью данной группы является вхождение в состав согласных первой позиции фонем [ʒ] и [z], невозможных перед сильными и сонантами. Сочетания с [ʒ] и [z] в препозиции в целом не характерны для бурятского языка, за исключением [zg], которое входит в состав суффикса имени прилагательного -згай: уузгай 'широкий', Һаизгай 'спесивый'.

Остальные сочетания со слабыми согласными в постпозиции наблю-

даются в корнях слов и на стыке морфем:

[gd] (1253) входит в суффикс страдательного залога -гда: ху-баагдаха 'делиться', алдагдаха 'теряться', а также встречается на стыках корня и глагольного суффикса -да: үнсэгдэхэ 'бить обухом топора', и в корнях слов: агдар 'ящик', тугдэ 'совсем (усилительная частица)', зогдор 'грива', мугдагар 'неуклюжий';

[gž] (127) образуется в большинстве случаев в результате присоединения к основам, оканчивающимся на г, глагольного суффикса -жа: дэгжэхэ 'расти', буртагжаха 'засоряться', зоригжохо 'воодушевляться'. [gž] встречается и в основах: угжа 'соска', тугжагар 'полный';

[gg] (71) во всех случаях образовалось в результате присоединения к глагольным или именным основам суффикса отрицания -гүй: тортоггүй 'без копоти', нэбтэрдэггүй 'непроницаемый', түбэггүй 'без хлопот';

[bg] (59) в основном наблюдается в корнях слов: үбгэн 'старик', баабгай 'медведь', табгал 'лана', а также в именах прилагательных с отрицательным суффиксом -гүй: лабгүй 'ненадежный', хэбгүй 'бесформенный';

[db] (36) образуется в результате присоединения к основе продуктивного суффикса имени существительного -бари: үйлэдбэри 'производство', наадбари 'задержка'; помимо этого [db] наблюдается в корнях слов: удбал 'водосбор сибирский';

[dg] (19) встречается только в случаях присоединения суффикса отрицания -гүй при образовании антонимичных прилагательных и наречий от прилагательных: алгадгүй 'непреренно', алдадгүй 'безошибочно', зохидгүй 'неподходящий', илгадгүй 'безразлично'.

Большинство сочетаний слабый+сонант встречаются в отдельных словах и не подчиняются каким-либо закономерностям:

[br]: хэбрэг 'хрупкий', хубриг 'коврига', хэорэгшэхэ 'становиться хрупким', доброослохо 'выспрашивать';

[dm]: бадма 'лотос', бадмаа раага 'рубин';

[dn]: наднаг 'кол', 'столбик', гадна 'кроме того' (сочинительный союз), бүднэ 'перепелка'.

Сюда также относится единственный случай, когда ь стоит в препозиции, этим случаем является междометие ьм!

Что касается остальных сочетаний, то в основном они образованы

путем присоединения к основам, оканчивающимся на [b], [g], [d], глагольных суффиксов -ла, -на, например:

[bɛl](81): хоблохо 'сплетничать', зүблэхэ 'советоваться', түсэблэхэ 'планировать';

[gɛl](604): ажаглаха 'наблюдать', тохоноглохо 'опираться', тунхаглаха 'оповещать'. Данное сочетание встречается в корнях слов: үглөө 'утром', погли 'в достатке', лаглагар 'непричесанный'. Случай, когда [gɛl] наблюдается в одном и том же слове дважды - аглаглаха 'уединяться', совмещает в себе две указанные выше возможности встречи этого сочетания;

[ɣɛn](159): агнаха 'заниматься ловлей', шагнаха 'слушать', сэгнэхэ 'оценивать';

[dɛl](69): аладлаха 'двигаться вдаль', магадлаха 'предполагать', хошоодлохо 'сдвигать'. Кроме того, что [dɛl] образуется в результате присоединения глагольного суффикса, оно может так же, как и все предыдущие сочетания, встречаться в корнях слов: адли 'подобный', будлиг 'матерчатый', бадлюун 'плотный'.

3. Как уже выше говорилось, чаще всех в препозиции сочетаний наблюдаются сонанты (27 690), которые наиболее часто (13 645) сочетаются с сильными согласными. В эту группу входят одни из самых многочисленных сочетаний: [ɛx](4573) и [ɣx](3175).

Такое обилие сочетания [ɛx] объясняется тем, что в словаре глаголы даются в форме причастия будущего времени на -ха, которое сочетается с глагольными основами повелительного наклонения, оканчивающимися на л, а также с суффиксами побудительных глаголов -уул (-үүл): тулмаашалха 'толмачить, переводить', амилха 'дышать', тонолхо 'смазывать'; с прибавлением суффикса -хан (-хон, -хэн) образуется уменьшительно-ласкательное значение имен существительных: тугалхан 'теленек', галхан 'огонек'.

[ɣx] входит в состав собирательного суффикса -аархин: сэрэгээрхин 'воины'; в состав суффиксов имени прилагательного -рхуу (-рхүү): модорхуу 'лесистый', нүдэрхүү 'глазастый'; и -рхаг (-рхог, -рхэг): шулуурхаг 'каменистый', хүсэрхэг 'кичащийся своей силой', баярхаг 'хвастающийся своим богатством'; глагольного суффикса -рха: алларха 'расшалиться', сээсэрхэхэ 'умничать', бахархаха 'быть довольным'; кроме того, данное сочетание образуется в результате прибавления к основам с конечным [r] уменьшительно-

ласкательного суффикса -хан: гэрхэн 'домик', түмэрхэн 'железка', борбогорхон (от борбогор 'невзрачный'); суффиксов имени прилагательного -хи: тугаархи 'недавний', урдуурхи 'находящийся впереди', и -хай (-хой, -хэй): соорхой 'дырявый', халтирхай 'скользкий', нэбэрхэй 'секущийся'.

[et] (866) входит в состав продуктивного суффикса имени существительного -лта (-лто, -лтэ): айлта 'боязнь', туйлалта 'достижение', оролто 'вступление', хүхэлтэ 'соска'; в суффиксе имени прилагательного -лтай (-лтой, -лтэй): алалтай 'такой, которого следует убить', бодолтой 'мыслящий'; встречается на стыках основы имени существительного и суффикса имени прилагательного -тай (-той, -тэй): үлтэй 'питательный', дэгэлтэй 'одетый в шубу', золтой 'счастливый'; на стыке основы имени существительного и глагольного суффикса -та: бодхуултаха 'убегать', гэрэлтэхэ 'светиться'; данное сочетание возможно и в основах слов: алтан 'золото', булта 'все'.

[rs] (864) образуется в результате присоединения к основе именного суффикса -шан (-шон, -шэн), обозначающего лицо: тунамаршан 'помощник', түмэршэн 'кузнец'; адъективного суффикса со значением полноты -шаг (-шог, -шэг): тулюуршаг 'слабоватый', үндэршэг 'высоковатый', настаршаг 'низковатый'; адъективного суффикса со значением невозможности -шагуй: унтаршагуй 'неугасимый'; танаршагуй 'непрерывный' и глагольного суффикса -ша: алдаршаха 'становиться известным', нойршохо 'хотеть спать', хэршэхэ 'крошить'. Сочетание [rs] может встречаться и внутри основы слова: турша 'в течение', муршаг (муршаг-муршаг энеэхэ) 'смеяться, сильно гримасничая'.

[nx] (677) образуется на стыке основы с продуктивным суффиксом имени прилагательного -хи: саашанхи 'дальнейший', туруунхи: туруунхи сагта 'первое время'; уменьшительно-ласкательным суффиксом -хан (-хон, -хэн): занхан (от зан(г) 'нрав', 'характер'), тэнхэн (от тэн(г) 'равно, середина'), миинхэн (от миин 'только, всего лишь'). Сочетание [nx] встречается в именах прилагательных: тулинхай 'измученный', тубхинэнхэй 'оседлый', туранхай 'тоди'; в глаголах: тэнхэхэ 'поправляться', хүшэнтэхэ 'надрываться'; в корнях имен существительных: лонхо 'оутылка', мунхан 'часовня'.

[ls] (589) входит в состав суффикса -лса (-лсо, -лсэ), с по-

мощью которого от первичной глагольной основы образуется совместный глагол: абалсаха (от абаха 'брат'), зоболсохо (от зобохо 'мучиться'), зөөлсэхэ (от зөөхэ 'помогать'); [лs] встречается также на стыке основы с продуктивным суффиксом -са (-со, -сэ), образующим от глаголов имена существительные: хүдэлсэ 'движение', хубилса 'изменение'; это сочетание имеет место и в корне слов: булсуу 'набалдашник', хэрэлсы 'крыльцо'.

[rt] (548) встречается на стыке с суффиксом -та, образующим первичные глагольные основы: мартаха 'забывать', бузартаха 'загрязняться', и страдательный залог глаголов: хүртэхэ (от хүрэхэ 'доставать'), и также на стыке с омонимичным ему адъективным суффиксом -та (-то, -тэ): агаарта 'воздушный', уултэртэ 'породистый', алдарта(й) 'прославленный' и с суффиксом -тай (-той, -тэй): болзортой 'назначенный', баяртай 'радостный', абартай 'полезный'. Сочетание [rt] может быть и в корне слов: тэртэ 'распорки', буртаа 'ворота', пиртан 'клецки'.

[nt] (456) образуется в результате присоединения к основе именного суффикса -тан (-тон, -тэн): сугаантан 'белые', улаантан 'красные', адъективного суффикса -тай (-той, -тэй): бүдэнтэй 'веснущатый', зоболонтой 'мучительный', и суффикса -нтуу (-нтуу): бэлшэнтүү 'пасущийся', яарантуу 'торопливый', а также на стыке с глагольным суффиксом -та: хабантаха 'опухать', гантаха 'трескаться от засухи'.

[лs̄] (357) встречается в глаголах, образованных присоединением суффикса -ша: оэлшэхэ 'пасться', хубилшаха 'перемениться'; в именах существительных, образовавшихся посредством продуктивного суффикса -шан (-шон, -шэн): малшан 'скотник', тугалшан 'телятница'; в именах прилагательных, образованных с помощью суффикса -ше (-шо, -шэ): хэрүүлшэ 'скандальный', хараалша 'сварливый'.

[nš] (353) встречается на стыке именных основ с адъективными суффиксами -шуу (-шүү): алтаншуу 'похожий на золото', тэншүү 'придурковатый' и -шаг (-шог, -шэг): аалиншаг 'сравнительно тихий', баяншаг 'довольно богатый', хухюуншэг 'довольно веселый'; данное сочетание встречается в глаголах, образованных с помощью суффикса -ша: туншэхэ 'колотить', уншаха 'читать'; а также в словах с частицей -шье: даншье 'очень уж', убайланшьегуи 'безо всяких'.

[*rs*](265) образуется на стыке с глагольным суффиксом -са: зарсаха 'застывать', нойрсохо 'почивать'; сочетание [*rs*] встречается также в глаголах учащательно-многократного залога: захирзагааха (от захирха 'приказывать'), ёборсогоохо (от ёборхо 'ударять'), миьэрсэгээхэ (от миьэрхэ 'улыбаться'), иногда на стыке с суффиксом -са, образующим имя существительное: түбэрсэ 'топот'; часто данное сочетание встречается в корне слова: аарса 'арса', борсо 'вяленое мясо', түрсэ 'процент'.

[*mx*](252) входит в состав суффикса имени прилагательного -мхай: аймхай 'трусливый', бодомхой 'думающий', мухаримхай 'способный катиться', туримхэй 'норовистый'; образуется также в результате присоединения к основе, оканчивающейся на [*m*] уменьшительно-ласкательного суффикса -хан (-хон, -хэн): номхон 'брошюрка', аажамхан 'тихонький'; встречается и в корнях слов: умхэ 'кусочек', хумхаа 'лихорадка'.

[*ns*](232) входит в состав суффикса имени прилагательного -нсар (-нсэр): гэнсэр 'разговорчивый', ухаанлар 'умный'; встречается на стыке с именными суффиксами -саг (-сог, -сэг) и -сар (-сор, -сэр): бөөнсэг 'шаман', тэбхээнсэг 'крынка', зээнсэр 'правнук', бүлөөлинсэр 'дети двоюродных братьев и сестер', и с глагольным суффиксом -са: тэнсэхэ 'сравниваться'; кроме того, сочетание [*ns*] может быть и в корне слова: мунса 'колотушка', мансы 'пеленка'.

[*mt*](160) входит в состав непродуктивного суффикса имени существительного -мта: баримта 'основание', дарамта 'тяжесть', а также встречается на стыке с адъективным суффиксом -тай (-той, -тэй): хэмтэй 'имеющий размер', номтой 'имеющий книги', найдамтай 'надежный'; с суффиксом -та, образующим глаголы от основ имен существительных: бамтаха 'болеть цингой', аастамтаха 'болеть астмой'.

[*ms*](131) возникает в результате присоединения к основе именного суффикса -шан (-шон, -шэн): хуримшан 'участник свадьбы', эмшэн 'врач', и адъективного суффикса -шаг (-шог, -шэг): шамшаг 'подоонный тебе', гутамшаг 'вульгарный'; данное сочетание также образуется на стыке с глагольным суффиксом -ша: замшаха 'привыкать к дороге', намшаха 'мешкать', гэмшэхэ 'раскаиваться'.

[*ms*](30) встречается на стыке с глагольным суффиксом -са:

тэмсэхэ 'бороться', амсаха 'пробовать', а также входит в состав суффикса имени прилагательного -мсаг (-мсог, -мсэг): ехэмсэг 'горделивый', гоемсог 'щеголеватый'. Наряду с суффиксом имени прилагательного -нсар существует и суффикс -мсар: унаамсар 'умный', тэнэмсэр 'глупый'. [ms] может быть и в основе слова: тамсаал 'бекас', зэмсэг 'оружие', үмсэ 'собственность'.

[mp] (28) - самое многочисленное сочетание с [p], одним из самых малоупотребительных звуков бурятского языка - каких-либо закономерностей в образовании и встречаемости не дает: пампаганаха 'двигаться', пүмпэгэр 'мягкий', пэмлэгэр 'толстый', шампаран 'геморрой'.

[rp] (23) - сочетание, не характерное для бурятского языка, встречается в словах, заимствованных из русского языка: сарпаан 'сарафан', шаарпа 'шарф', хирпиисэ 'кирилич', либо в словах, допускающих две разновидности написания: зарпагар или зарсагар 'широко раскрытый (о рте)', хоорно или хоорбо 'короб'.

[lp] (6) встречается только в двух словах: хулнаа 'клоп' и ьалпигар 'неряшливый'; слова ьалпииха 'быть неряшливым', ьалпишанан 'обмякший' и т.д. являются однокоренными.

Число сочетаний со слабыми согласными меньше (12 726), возможны сочетания всех сонантов со всеми слабыми согласными, за исключением сочетания [mz]; кроме того, можно сказать, что сочетание [nb] также не характерно для бурятского языка, оно встречается только в словах санбаар 'обет' и оршонбайдал (сложное слово оршон байдал 'окрестности'). Остальные сочетания можно расположить в следующем порядке:

[lg] (3359) встречается в суффиксе -лга (-лго, -лгэ) || -лган (-лгон, -лгэн), образующем имена существительные от глагольных основ: алдаршалга 'популярность', ерэлгэ 'прибытие', обтолго 'зависть', золголго 'встреча'; на стыке с суффиксом -га (-го, -гэ), и в суффиксе -лга (-лго, -лгэ), которые образуют побудительные глаголы: тулгаха 'опираться', хургэхэ 'доходить', болгохо 'становиться', хаалгаха 'закрывать', боолгохо 'связывать', уулгаха 'пить'; кроме того, сочетание [lg] встречается в словах с суффиксом отрицания -гүй: ажалгүй 'сезработный', үлгүй 'непитательный', золгуй 'несчастливый'; а также внутри основ слов: алгад 'через', мимо', булга(н) 'соболь', дэлгүүр 'рынок'.

[*ld*] (1710) образуется в результате присоединения суффикса страдательного залога -да к глагольным основам на [*l*]: диилдэхэ 'быть побежденным', дуулдаха 'быть слышимым', а также входит в состав суффикса взаимных глаголов -лда (-лдо, -лдэ): альгадалдаха (от альгадаха 'хлопать'), түлхилдэхэ 'толкаться', зоболдохо (от зобохо 'мучиться'); сочетание [*ld*] встречается в основах слов: билдагуу 'льстивый', алдар 'известность', болди-солди 'шероховатый'.

[*ng*] (1346) входит в состав суффиксов имени прилагательного -нги, -нгир: зобонги 'мучительный', зудэрэнги 'утомленный', болонгир 'настоящий', хатангир 'сухопарый', ядангир 'слабый', а также возникает вследствие присоединения к основе на [*n*] суффикса отрицания -гүй: зонгуй 'безлюдный', түдэгэсэнгүй 'без запинки', алдангүй 'без пропуска'; помимо этого, данное сочетание встречается в корнях слов: тунгай 'нетронутый, нехоженный', мангар 'похмелье', тэнгир 'небо'.

[*rg*] (1238) наблюдается в именах существительных, образованных посредством суффиксов -га (-го, -гэ): нударган 'кулак', нэмэргэ 'накидка', -уурга (-уургэ): шахуурга 'пресс', хушуургэ 'рычаг'; -аарга (-оорго, -ээргэ): углаарга 'отворотн', дэмжээргэ 'опора'; в именах прилагательных на стыке с суффиксом -га, -гүй: хуушарга 'старенький', залуурга 'моложавый', баяргүй 'безрадостный', болзоргүй 'бессрочный' и с суффиксом побудительных глаголов -га: нургаха (от нураха - 'учиться'), хургэхэ (от хурэхэ 'доходить'), бодоргохо (от бодорхо 'выясняться'); сочетание [*rg*] встречается и в основах слов: азарга 'жеребец', тэргэ 'телега', хурган 'пальцы'.

[*nd*] (702) довольно часто встречается в наречиях: тэгэндүүр 'посредине', тэндэ 'там, туда', зандаа 'в том же виде, по-прежнему', дэндүү 'чрезмерно'; в глаголах: бухиндаха 'застаиваться', бүгшэндэхэ 'быть слишком жарким', гандаха 'терпеть зной'; как и большинство других сочетаний, встречается в корнях слов: мандаг 'да здоровствует', ендэр 'трибуна', лундэн 'пророчество'.

[*lz*] (636) входит в состав глагольного суффикса -лза (-галза): ангалзаха 'открывать', хотолзохо 'мерно, ритмично нагибаться', ялалзаха 'сверкать'; встречается на границе с непродуктивным именным суффиксом -за (-зо, -зэ): олзо 'поступление', угалза 'вы-

шивка'; встречается в основах слов: мэлзэн 'звездочка', улзэн 'счастье', болзор 'срок'.

[rd](652) наблюдается в именах существительных, образованных посредством суффикса -даан: бутардаан 'обломки', хэхэрдээн 'отрыжка'; в глаголах, образованных с помощью суффикса -да: тулурдаха 'оказываться беспомощным', ташуурдаха 'бить кнутом'; это сочетание возможно и в корнях слов: ордон 'дворец', бурд гэжэ 'мигом', бордигор 'узловатый', хурдаар 'быстро'.

[rb](546) – самое многочисленное из сочетаний, в которых [b] находится в постпозиции. Оно наблюдается только в корнях слов: нарба 'небная занавеска', ербогор 'остроконечный', бирбаиха 'делать кислое лицо'.

[lez](397) встречается в именном суффиксе -лжан (-лжон, -лжэн): гурбалжан 'треугольник', туутагалжан 'кроншней', бубөөлжэн 'удод', а также на стыке с суффиксом -жа, служащим для образования первичных глагольных основ: тулжэхэ 'расти', хулжэхэ 'начинать ходить', убэлжэхэ 'зимовать'; кроме того, [lez] встречается в основах слов: билжуухай 'птичка', булжамар 'жаворонок', тэмээлжэргэнэ 'стрекоза'.

[leb](390) образуется в результате прибавления к основам на [el] суффикса имени существительного -бари (-бори, -бэри): тухайлбари 'предположение', тэгшэлбэри 'уравнивание', хүтэлбэри 'руководство', тайлбари 'разъяснение', а также встречается в основах слов: алба(н) 'служба', залбагар 'широко открытый', булбэгэнэхэ 'бормотать', болбосон 'просвещенный'.

[mz](299) входит в состав продуктивного суффикса имени существительного -мжа (-мжо, -мжэ): туналамжа 'помощь', бодомжо 'обдумывание', хэрэглэмжэ 'надобность'; встречается на стыке основы с глагольным суффиксом -жа: хэмжэхэ 'мерить', дэмжэхэ 'поддерживать', дамжаха 'переходить'; сочетание [mz] возможно и внутри основы слова: хаамжа 'клетка', түмжэ 'подкорковый слой', хара намжа 'полюнь'.

[mb](224) наблюдается только в корне слов: бумба 'ваза, сосуд', замбуулин 'космос', дэмбэрэлтэй 'счастливый', түмбэгэр 'выпуклый'.

[rz](188) образуется на стыке корня и глагольных суффиксов -жа, -жархиха: намаржаха 'наступать (об осени)', хуржаха 'лежать'

с прошлого года', шанаржаха 'становиться качественным', угзаржар-хиха 'дернуть', ёборжоржихо 'ткнуть пальцем'; встречается в корнях слов: боржы 'ворожба', ёржогонохо 'тараторить', буржааха 'кудрявый', ларжаа 'важность'.

[mg](178) входит в состав суффикса имени прилагательного -мгай (-мгой, -мгэй): займгай 'любящий бродить', булимгай 'превосходящий'; также встречается в корнях слов: омголтохо 'запекаться', тэмгэ 'наугад', зомгоол 'стружка'.

[md](162) возникает на стыке с глагольным суффиксом -да: аажамдаха 'успокаиваться', гомдохо 'сетовать', башамдаха 'спешить'; данное сочетание может встречаться в наречиях: замдаа 'дорогой', заримдаа 'иногда', а также в корнях слов: тэмдэг 'примета', найрамдал 'мир'.

[nž](147) наблюдается в глаголах: унжаха 'висеть', хонжохо 'выигрывать', тэнжэхэ 'расти', в именах существительных, обозначающих возраст самок животных, образованных посредством суффикса -жан: гунжан 'трехлетняя', дунжэн 'четырёхлетняя', а также в основах слов: унжагай 'медлительный', энжэ 'приданое', гэнжэ 'цепь'.

[nz](146) встречается только в основах слов: борзогор 'грубый', хэрзэгэ 'упрямый', барза (барза тарза гэтэр) 'малевать'.

[rh](140), как и предыдущее сочетание, наблюдается только в основах слов: айрһа(н) 'творог', захирһан 'повелительный', буурһагшалха 'обваривать'.

[nz](84) также встречается, как правило, в основах слов: тэнзэгэр 'полный, пузатый', хэнзэ 'вторая трава', ханза 'сундук', янза 'вид'.

Сочетания [l], [m], [n] с [h] являются немногочисленными и, как и большинство других немногочисленных сочетаний, наблюдаются только в основах слов: хульэн 'пот, испарина', зореольон 'нарочитый', тушаалһаа буулга 'отставка', хюмһан 'ногти', оймһон 'чулки'; [nh] же характерно для наречий: туруунһээ 'сначала', ууганһаа 'с давних пор', үглөөнһөө 'с утра' и т.д.

Гораздо меньше в бурятском языке сочетающихся сонантных согласных (1319). Для них характерно отсутствие в постпозиции сонанта [r], за исключением [rr], встречающегося в междометиях: жэрр, арр-арр. И, наоборот, именно [r] наблюдается чаще всего в

препозиции сочетаний, образуя все возможные, включая и [rr], сочетания сонант+сонант:

[rɛl](483) встречается на стыке основы с глагольным суффиксом -ла: зарлаха 'оповещать', болзорлохо 'договариваться о сроке', удэрлэхэ 'проводить день', и с суффиксом -лиг, служащим для образования имен прилагательных: түмэрлиг 'похожий на железо', мүшэрлиг 'ветвистый'; данное сочетание возможно и в основах слов: турлааг 'ворона', тэрлиг 'летний халат', борлөохой 'воробей';

[rɛm](287) встречается в именах существительных, образованных посредством суффикса -маг: нуурмаг 'озерко', хужармаг 'солончак', в именах прилагательных, образованных с помощью суффиксов -маг (-мог, -мэг) и -ма (-мо, -мэ): хуурмаг 'ложный', хухирмэг 'бойкий', хэтэрмэ 'чрезмерный', алтарма 'золотистый', оутарма 'рассыпчатый'; сочетание [rɛm] встречается в основах слов: ирмагар 'редкий', дээрмэ 'грабёж', бурма 'лава', хэрмэ(н) 'белка';

[rɛn](21) наблюдается только в основах слов: турнагар 'сердитый', морногор 'большой, картошкой (о носе)', торнихо 'становиться на ноги', барнааг 'негодник'.

Остальные сочетания являются более редкими:

[ɛlm](209) встречается на стыке основы с адъективными суффиксами -мал (-мол, -мэл) и -ма (-мо, -мэ): алталмал 'позолоченный', буйдуулмал 'переработанный', бусалма 'кипящий', дулиирүүлмэ 'отлушающий'; в причастиях возможности, образуемых от глагольных основ посредством суффикса -маар (-моор, -мээр): зоригжуулмаар 'вдохновляющий', туруулмээр 'норождающий'; [ɛlm] встречается и в основах слов: туулмаг 'мешок', тулмаашалха 'толмачить, переводить';

[mn](116) встречается в глаголах, образованных посредством суффикса -на: туламнаха 'класть в кожаный мешок', титимнэхэ 'надевать корону', тохомнохо 'седлать', а также в основах слов: намна 'совсем' (усилительная частица при глаголах), нэмнээ 'накидка', номнол 'учение';

[lll](87) наблюдается только в первичных основах, образованных с помощью суффикса -ла: маллаха 'заниматься скотоводством', үллэхэ 'чутьточку закусить', дэллэхэ 'снимать гриву';

[ml](21) и [nl](18), подобно предыдущему сочетанию, образованы в результате присоединения к основе глагольного суффикса

-ла: бардамлаха 'хвастаться', унэмлэхэ 'удостоверять', подтверждать', хадамлаха 'сватать', хошонлохо 'острить', тэнлэхэ 'доходить до половины чего-либо', буланлаха 'делать углом'. [nl], кроме того, возможно в основах слов: манлай 'лоб', нунлиг 'похожий на молоко'.

В единичных случаях встречаются сочетания [ln]: угаалниг 'умывальник' и [nn]зөөлэхэннээр (уменьш. от зөөлэнээр 'мягко, нежно'), уменьшительно-ласкательный суффикс -хэн здесь выступает, вероятно, в качестве инфикса: дэлэннэхэ 'набухать', шаланнаха 'еле ползти, тянуть резину'.

Проблема сочетаемости фонем имеет не только лингвистическую значимость, но и представляет практический интерес. Например, знания о том, какие сочетания согласных характерны для бурятского языка, какова их частотность, какие сочетания невозможны в начале или в конце слов, можно использовать при обучении учащихся бурят правильному русскому произношению.

Взаимодействие литературных языков народов СССР с русским благотворно сказывается на их развитии. Это относится и к бурятскому языку. В нем, например, под влиянием русского языка подверглась некоторой перестройке фонетическая структура, что выразилось в усвоении бурятами новых фонем и их сочетаний, связанном прежде всего с заимствованием в области словарного состава.

Для среднего и молодого поколений бурят характерно в основном правильное русское произношение. Они не испытывают затруднений в произношении слов с сочетаниями трех и более согласных. Неправильное произношение типа "тарактор" вместо "трактор", "министэр" вместо "министр", "вильяние" вместо "влияние" присуще в основном бурятам пожилого возраста, которые освоили русский язык в более позднем возрасте, а не в детстве. Здесь, безусловно, играют роль и типологические расхождения между русским и бурятским языками.

О МОНОГРАФИИ Б. Х. ТОДАЕВОЙ "ОПЫТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ ЭПОСА "ДЖАНГАР"¹

На протяжении многих лет калмыцкий эпос "Джангар" являлся предметом изучения русских, советских и зарубежных исследователей. Имя собрано немало песен эпоса и изучены отдельные его вопросы. Так, некоторые песни "Джангара" были записаны еще в прошлом столетии О. Ковалевским, А. Собронниковым, К. Голстунским и Б. Бергманом. В монголоведении широко известны труды С. А. Козина "Джангариада" и Б. Н. Владимирцова "Монголо-ойратский героический эпос". Заметны успехи и современных исследователей "Джангара", в частности калмыцких. За последнее время ими опубликованы многочисленные научные статьи, освещающие разные стороны эпопеи. А. Ш. Кичиковым написаны две монографии на калмыцком и русском языках: "Джангар" (Элст, 1974) и "Исследование героического эпоса "Джангар" (Элиста, 1976).

Однако названные выше труды в основном затрагивают одну сторону эпоса — литературоведческую. Другая его, не менее важная, сторона — лингвистическая до выхода в свет труда Б. Х. Тодаевой оставалась вне поля зрения ученых.

Объектом исследования Б. Х. Тодаевой стали оригинал "Джангара" 1908 г. и его издания 1910, 1935 и 1940 гг. Автор ставит цель дать: 1) анализ и сверку оригиналов с текстом их изданий, 2) по возможности полное описание морфологической структуры слов с указанием частотности употребления их форм, 3) словарь языка эпоса "Джангар". В соответствии с этим сама работа состоит из трех частей: "Текстология эпоса. Анализ и комментарии", "Фонетико-морфологический очерк" и "Словарь".

В первой части исследования осуществляется сравнение литографированного первого издания "Джангара" (1910 г.) и его трех вышеупомянутых переизданий с оригиналом, то есть рукописью 1908 г. Разумеется, к анализу привлекаются только те отрывки песен, кото-

¹ Б. Х. Т о д а е в а. Опыт лингвистического исследования эпоса "Джангар". Элиста, Калмыцкое кн. изд-во, 1976. 529 с.

рые содержат те или иные расхождения с подлинником.

Текстологический материал монографии довольно обширен (стр. II-100). Уже один этот факт свидетельствует о том, что отклонения, изменения и неточностей в известных нам изданиях было допущено в изрядном количестве. Обнаружение их и установление истинного начертания слов имеют немаловажное значение при дальнейших переизданиях эпоса, в которых будут, наконец, исправлены ошибки, постоянно переходившие из одного издания в другое, искажая подлинный смысл не только отдельно взятых слов, но и нередко целых словосочетаний.

Комментарии в этой части работы занимают нижнюю половину каждой страницы под чертой текста и построены на сравнении и анализе данных изданий и оригинала.

Отклонения, обнаруженные при сверке, весьма разнообразны. В частности, вместо какого-либо слова, данного в оригинале, в изданиях встречается совершенно другое: так, в издании 1940 г. написано беткин тунг 'корень ковыля', тогда как в оригинале значится беткин толъа 'головка ковыля', что совершенно изменяет смысл сочетания (см. стр. 44 монографии). Выявлено много ошибок в орфографировании слов, что также приводит к искажению их смысла: в оригинале написано - эгр 'выгори, вылиняй' от глагола эгрх 'выгорать, вылинять', в издании 1910 г. - эгр 'выгори' от эгрх 'выгореть на солнце', а в издании 1940 г. они заменены совершенно иным глаголом шат 'гори, стори' от шатх 'гореть, сгорать' (стр. 14). В оригинале зафиксировано кевнг со значением 'верхняя одежда из грубого войлока, фетра; бурка', в издании 1940 г. - коьнг и кевнг. Автор отмечает, что данное слово в конечном счете превратилось в имя существительное кевнг 'вата', что привело к коренному изменению его семантики: "бурка" превратилась в "ватную куртку" (стр. 24). К сказанному нужно добавить, что в изданных песнях обнаружены отдельные произвольные вставки или пропуски того, что есть в оригинале.

В изданиях 1935 и 1940 гг. автором обнаружено начертание шиил вместо сиил в оригинале. Должная форма подтверждается материалами из других источников. Так, в данном случае вариант сиил 'сватать, свататься' отыскивается в известных словарях Г. И. Рамштедта, Г. Голстунского и в современном "Монгольско-русском словаре",

а форма шиил (с начальным ш) нигде не обнаруживается (стр. 14).

Для доказательства правомерности того или другого написания в монографии нередко приводятся параллели из родственных языков, например, калмыцкое шаьц соответствует бурятскому шагалза 'игра (со мною) в бабки' (стр. 23).

Известно, что первые десять песен "Джангара" были написаны в транскрипции, а две последние — на зая-пандитской письменности. При переизданиях (1935, 1940 гг.) обе записи были сведены к единой графической основе и текст подвергнут отдельным редакторским правкам. Таким образом, о первоначальном звуковом облике эпоса можно судить только по материалу оригинала.

Известно также, что тексты песен записаны Н. Очировым в 1908 г. у малодерзетовского сказителя Овла Эльева. Исследователь замечает, что Н. Очиров весьма точно фиксирует язык рэпсода. И все-таки в его записях были допущены некоторые неточности, которые позже стали известными благодаря сверке этого текста В. Л. Котвичем у того же сказителя Овла Эльева. К сожалению, обнаруженные ошибки при последующих изданиях не были приняты во внимание, в связи с чем они и вошли в печатный текст эпоса.

Второй раздел исследования составляет фонетико-морфологический очерк (стр. 101—176). Анализ фонетико-морфологической структуры слов и словосочетаний произведен в исследовании почти по каждой части речи, включая сюда и такие незначительные категории как послелоги, частицы, союзы и междометия. Каждая часть речи в работе получает самостоятельное освещение, например, имена существительные рассматриваются с таких сторон, как число, падеж и словообразование. По каждой части речи выявляется большое количество суффиксов и устанавливается частотность их употребления. Четко определяются значения суффиксов. Например, существительные, образованные при помощи суффикса -л, обозначают: а) отглагольное действие: жирьл 'счастье', б) лицо, характеризующееся действием, выраженным производящей основой: төрл 'родня, родство' от төр 'рождайся, появляйся на свет' и т.д.

Заслуживает специального внимания третий раздел работы — словарь, поскольку он занимает в книге большую ее часть (стр. 177—513).

Слова в словаре расположены в алфавитном порядке. Каждая сло-

барная статья характеризует то или иное слово с различных грамматических и семантических точек зрения. Здесь же приводится и частотность употребления слова в оригинальном тексте. При этом рассматриваемое слово и его значения иллюстрируются соответствующими примерами из текста, которые обеспечиваются переводом на русский язык. Следует отметить, что перевод слов в большинстве случаев весьма удачный. Для иллюстраций сказанного приведем одну словарную статью: "ач I внук; Тансг Бумо хаань ач гинэ - называют, он внук Тангсак Бумоа хана; ач II услуга, заслуга; ачд ач кегси, эмнд тус кургси куукиг би яьж, хатан кехв - гиж Мингиян кель Мингиян сказал: - Я не посмею назвать своей супругой девушку, у которой столько заслуг предо мной - она спасла мне и честь и жизнь!" (стр. 197).

Все фразеологические обороты, встречающиеся в текстах "джангара", нашли отражение в словаре. Они помещаются по первому слову фразеологического сочетания после словарной статьи за ромбом. Ниже с красной строки приводится перечень грамматических форм в таком виде, в каком слово употреблено в самом тексте. Все сказанное по сути и составляет собственно лингвистическую сторону исследования. В перспективе такое решение вопроса создает почву для широкого изучения различных аспектов языка калмыцкого героического эпоса "Джангар".

В конце книги дается приложение, в котором перечисляются собственные имена и титулы, географические наименования. Затем дан индекс суффиксов словоизменения и словообразования.

В заключение справедливо будет сказать, что до сих пор не было еще работы, которая представила бы монголоведному миру и в целом алтаеведению богатейший лингвистический материал "джангара" для вовлечения его в широкий научный оборот.

Содержание

Л. Д. Шагдаров. О возрастании роли русского языка и развитии национально-русского двуязычия в Бурятии	3
А. Н. Содномов. Художественные приемы создания образа В. И. Ленина в бурятской поэзии	II
Д. Ш. Дамбаева. Пространственные постпозитивы в бурятском и японском языках	2I
Н. Б. Алдарова. Дифференциация исконных личных имен бурят	32
Д. Г. Дамдинов. О деминутивах бурятского языка	47
М. П. Хомонов. О взаимосвязи улигеров "Гэсэр" и "Ерэнсэй"	5I
Н. А. Хазуев. Лексико-семантическая характеристика тибетских заимствований в бурятском языке	56
И. Д. Буряев. Архивные материалы по бурятским диалектам	68
В. М. Мохосоева. Мелодика вопросо-ответных предложений в бурятском языке	76
Г. А. Дырхеева, О. Д. Бухаева. Статистико-комбинаторная характеристика парадигм сочетающихся согласных в бурятском языке	86
Э. Ч. Бардаев. О монографии Б. Х. Тодаевой "Опыт лингвистического исследования эпоса "Джангар"	IO4

Цена 55 коп.

550 р.